Город драконов. Книга третья

Автор:
Елена Звёздная

Город драконов. Книга третья

Елена Звездная

Город Драконов #3Звездное Настроение

Вы в когтях Города Драконов! Чувствуете стальную хватку? Ощущаете нарастающий ужас? Готовы бросить вызов тем, кто сильнее и могущественнее? Вьюга свирепеет над Вестернаданом, яростный ветер сметает пыль с древних усыпальниц, обнажая забытые легенды, а убийственное прошлое более не желает скрываться в недрах Железной Горы. Как появились драконы? Что их ждет? И почему во всем этом замешана власть? Ученица профессора Стентона упорно ищет ответы на ставшие жизненно важными вопросы. Перед Анабель стоит нелегкая задача – под видом прислуги проникнуть в резиденцию Арнелов, найти дорогу в семейный склеп, расшифровать послание предков и, главное, не попасться дракону, которого совершенно не устраивает, что объект его страсти рискует собой. Мисс Анабель Ваерти продолжает свое опасное расследование.

Елена Звездная

Город драконов. Книга третья

«Многоуважаемая сударыня! Поскольку Бетсалин Макдауэлл желает получить место горничной в поместье Арнел, я выдаю ей это рекомендательное письмо с наилучшими пожеланиями и благодарностью за многолетние трудолюбие и старание, кои мисс Макдауэлл проявляла в отношении возложенных на нее задач».

Писать рекомендательные письма оказалось неимоверно утомительным делом.

Я писала уже четвертое. Миссис Макстон, возвышаясь надо мной, давала советы, указания и уточнения по формулировкам. На самом деле как экономка моего дома она заведовала наймом и увольнением слуг, а потому, в сущности, данная крайне утомительная обязанность должна была возлечь на ее плечи, но все неожиданно сошлись во мнении, что у меня почерк лучше.

«В моем доме, – продолжила с огромным неудовольствием я, – Бетсалин выполняла свои обязанности со всем тщанием и ответственностью, а также с готовностью возлагала на себя дополнительные труды».

– Это вычеркиваем, – решила вдруг миссис Макстон.

В сотый раз искренне порадовалась тому, что я маг.

– Evanescet! – Движение рукой, и уже не надо сминать этот лист бумаги и брать следующий, чтобы переписывать все заново.

К моему искреннему сожалению, я вспомнила о своих возможностях довольно поздно, а потому мусорная корзинка в углу была полна испорченной бумаги, и первые письма я действительно переписывала сызнова как прилежная ученица. На мое счастье, профессор Наруа заглянул, узрел имеющееся и напомнил об очевидном. Я была ему безмерно благодарна. После его совета дело пошло куда быстрее.

– Почему вычеркиваем? – спросила, вновь берясь за писчее перо.

– Потому что это чересчур, я бы не стала брать на работу излишне инициативную прислугу, – пояснила миссис Макстон.

Тут мне сказать было совершенно нечего, я в целом никогда не сталкивалась ни с наймом прислуги, ни с наймом в качестве прислуги. Да, мне предстояло получить совершенно новый опыт.

* * *

С рекомендательными письмами мы управились к восьми утра.

Завтракали быстро и нервозно, в то время как профессор Наруа сидел и… подделывал подпись профессора Стентона. Дело это было непростое, лично у меня не вышло, хотя профессорским почерком я овладела достаточно давно и успешно. Почерком, но не подписью, а на моем резюме мне требовалась именно подпись.

Однако справились и с ней.

Напряженный завтрак проходил быстро, от еды отрывались, вновь и вновь обсуждая детали.

– Мисс Ваерти, запомните, вы имеете право общаться только с прислугой второго этажа, – в очередной раз напомнила миссис Макстон.

Я кивнула, молча жуя булочку.

– При встрече с лордами? – продолжила экономка.

– Взгляд вниз и не умничать.

Да, я все помнила.

– Место женщины? – не сдавалась миссис Макстон.

– У меня место девицы в синих чулках, – напомнила уже ей.

– Ах, ну да, – покивала экономка. – Бетси, если все пройдет как следует, не забудьте вечером съездить за синими чулками в лавку готового платья.

Горничная кивнула и перекрестилась. Она переживала больше всех, чувствуя себя ответственной, по причине того, что это была в основном ее идея.

– И, мисс Ваерти, зарубите себе на носу – хорошенькой девушке всегда следует держать язык за зубами! – завершила с напутствиями миссис Макстон.

– А не хорошенькой? – мгновенно заинтересовалась я.

– Тем более, – еще более жестко уведомила экономка. И добавила: – Старая леди Арнел крайне ревностно требует неукоснительного соблюдения данного правила. И что с глазами?

Перестав есть, переспросила:

– А что с глазами?

– Одолжу вам свои очки, – сообщил профессор Наруа. – Они придадут солидности.

О Боже, во что мы все ввязались?!

Но отступать, похоже, не в наших правилах.

* * *

Это было мое третье посещение родового особняка Арнелов.

И именно третий раз заставил мое сердце то отважно биться, преисполнившись решимости оказать помощь драконам, то трусливо замирать при мысли о возможном унижении, что постигнет при разоблачении нашего обмана. А разоблачение неизбежно последует, ведь все тайное рано или поздно становится явным… Мою совесть утешала лишь одна мысль – лорд Арнел первым вторгся в мой дом, а потому я имела некоторое моральное право посягнуть на неприкосновенность его частных территорий, но, боюсь, дракон едва ли сочтет правомерными наши действия.

Стараясь скрыть охватившие меня тревоги и сомнения, я попыталась вспомнить, что в принципе мне известно о найме слуг. В наше прогрессивное время, когда экономика империи находилась на пике своего развития, позволить себе прислугу мог каждый представитель среднего класса. И однажды, во времена моего детства, папенька взял меня на «трудовую ярмарку», подыскивая достойного конюха на смену покинувшему нас мистеру Уильямсу. Тот день запомнился мне шумом и гвалтом, нестройными рядами людей, что держали в

руках предметы, прямо намекающие на их профессиональную деятельность, и недовольством маменьки, сетовавшей на то, что все приличные люди ищут прислугу через агентства, а потому маменька намеревалась искать новую горничную именно так. Папенька же отстаивал свою позицию, заверяя, что никакой «мошенник в агентстве», никогда не нюхавший настоящего конского навоза, не сможет отличить обычного коновала от настоящего специалиста, способного с первой секунды найти общий язык с лошадьми. Забегая вперед, вынуждена признать, что ошиблись оба. Отец действительно нашел замечательного конюха, и тот действительно мгновенно поладил с нашими лошадьми, да так, что в одно далеко не радостное утро сгинул со всеми тремя нашими конями. А горничная, подобранная маменькой через агентство и имеющая множество рекомендательных писем, оказалась крайне невоздержанной в распитии спиртных напитков, в состоянии же алкогольного опьянения становилась злобной фурией, однажды попытавшейся поднять руку даже на маменьку, после чего была уволена с позором. С тех пор мои родители, как, впрочем, и большинство известных мне семей, в выборе прислуги руководствовались мнением уже имеющихся у них работников, таким образом рекомендации передавались из уст в уста, и это был наиболее проверенный и надежный способ найма прислуги.

На это мы и сделали ставку.

Старая нянюшка миссис Боутон встречала нас на дороге, где стояла уже некоторое время, заметно нервничая, и практически бросилась под колеса нашего экипажа, едва увидела его.

Мистер Илнер, соскочив с козел, помог старой женщине подняться по ступенькам, мы с миссис Макстон подвинулись, освобождая место, и, едва сев, нянюшка с трудом перевела дух, невольно выдав, насколько значительным является ее нервное напряжение.

– Мисс Ваерти, душечка, у меня слов нет, чтобы выразить вам свою благодарность, – начала она, едва мы вновь пустились в путь.

– Прошу прощения? – выразила я свое недоумение по поводу принесения благодарности.

Старая женщина улыбнулась и пояснила:

– Ариана. Официальная версия событий иная, но я знаю правду. Спасибо вам.

Едва ли я была вправе комментировать хоть как-то произошедшее, зато няня сочла нужным сообщить:

– Ариану я воспитывала с детства, вся моя жизнь в ней.

Я продолжала молчать, позволив себе лишь неловкую улыбку.

Мне было не совсем понятно, каким образом няня одной из леди Арнел могла узнать о том, что я, через лорда Арнела, ввела девушку в состояние стазиса и это позволило сохранить ее жизнь. И в целом я малейшего понятия не имела, каким образом, откуда и как миссис Боутон оказалась в курсе произошедшего.

– Лорд Арнел посвятил старших родственников и доверенных лиц в случившееся, – словно поняв, о чем я думаю, уведомила старая нянюшка.

– Звучит… пугающе, – решила вставить замечание миссис Макстон.

– Звучит крайне обнадеживающе в отношении вашего предприятия, – парировала миссис Боутон.

И начала вводить нас в курс дела:

– В поместье Арнелов существует классическая градация прислуги. Так, вы, миссис Макстон и вы, Бетси, будете относиться к прислуге второго этажа. Мистеру Оннеру его мы определим на должность помощника повара – подниматься выше первого этажа запрещено, то же самое относится к мистеру Илнеру и мистеру Уоллану. Миссис Макстон, ввиду уважения к вашему возрасту, вы поселитесь в моей комнате, Бетси – под лестницей в комнатах горничных, мужская прислуга в основной массе обретается в спальнях для слуг, находящихся во флигеле, там же семейные пары, но… среди вас таковых нет.

– Как знать, как знать, – бросив насмешливый взгляд на миссис Макстон, протянул профессор Наруа.

И тем самым обратил пристальное внимание присутствующих на себя.

– Ах да, мистер Нарелл, боюсь, гарантировать ваше трудоустройство ни я, ни экономка миссис МакАверт не можем, – произнесла миссис Боутон. – Вам придется доказывать ваши способности императорским магам и пройти проверку личной императорской гвардии, а это, к моему прискорбию, оборотни.

– Императорскую гвардию я беру на себя, – сочла нужным сообщить я.

– С магами разберусь, – уверенно заявил мистер Нарелл.

Миссис Боутон кивнула, поправила сползшие очки, чепец, перевела дух и перешла к самому главному:

– Мисс Ваерти, работа секретаря старой леди Арнел является крайне нервной, напряженной, требующей определенного такта и… – Небольшая пауза, после которой нянюшка нехотя сообщила: – Леди нередко пользуется запрещенными заклинаниями подчинения.

Как интересно.

– Насколько «нередко»? – уточнила я.

– Постоянно, – ничуть не обрадовала меня миссис Боутон.

Помолчала и добавила:

– Мы постараемся помочь вам всеми силами, но… как вы понимаете, вам придется непросто.

Я на это ничего не смогла сказать, зато мгновенно нашлась с выражениями миссис Макстон:

– Радует, что прислуга в поместье Арнелов на нашей стороне.

В глазах миссис Боутон вдруг отразилась такая мука, что мы все замерли, сдерживая порыв принести соболезнования, и поняли, что сдержались не напрасно, когда старая няня тихо произнесла:

– Мы не хотим хоронить наших детей, миссис Макстон.

И каждый звук в этой фразе был наполнен болью. Болью, которая становилась лишь страшнее от осознания, что часто няни испытывали большую любовь к своим воспитанникам, нежели родные матери, которые, как было принято в высшем обществе, едва ли уделяли потомству более часа в день, а зачастую и менее этого одного часа.

Я невольно опустила взгляд, не желая видеть эту боль. От этого не станет легче ни мне, ни им, да никому, если быть откровенной. Эмоции следовало отбросить как ненужный хлам, уверенно и безжалостно.

И, судорожно вздохнув, я спросила:

– Сколько… погибло?

– Девять замечательных юных леди, – эхом отозвалась миссис Боутон.

Недоуменно подняла взгляд на нее. Насколько мне было известно, у Арнелов погибли лишь три дочери леди Арнел.

– Они были замужем, – пояснила, словно поняв мой вопрос, старая нянюшка.

Понятно.

– И что же вы ничего не сделали? – вдруг язвительно спросила миссис Макстон.

Миссис Боутон возмущенно выдохнула:

– Вероятно, потому, что мы только прислуга, миссис Макстон, если вы не заметили!

Мою домоправительницу чужое возмущение едва ли было способно вывести из состояния равновесия, а потому она задала следующий вопрос:

– А что сможем сделать мы, находясь на месте прислуги?

Мне показалось, что миссис Макстон действует несколько жестоко, и в целом нам же и так помогают, но нет, домоправительница просто максимально разумно подошла к ситуации.

– Нам потребуется «запасная» мисс Ваерти. Рост, цвет волос, фигура и одинаковая одежда, – непререкаемо высказалась моя экономка.

– Ох, – только и выдохнула миссис Боутон.

– Мисс Ваерти потребуется свобода действий, – поставила перед фактом нянюшку миссис Макстон, – а старая леди Арнел, насколько мне известно, подслеповата.

Миссис Боутон на миг замерла, затем призадумалась и после согласно кивнула.

* * *

В поместье Арнелов мы въезжали молча, сосредоточенно и мрачно. Настолько мрачно, что сунувшийся для проверки въезжающих оборотень НанКолин, оглядев всех нас, уставился в единственно знакомые ему глаза, мои, и спросил прямо:

– Помощь нужна?

– Потребуется, – милостиво сообщила миссис Макстон.

И экипаж пропустили без слов.

При подъезде к главному зданию особняка мистер Нарелл, подмигнув возмутившейся такой фривольностью миссис Макстон, практически на ходу выскочил из экипажа. Ему предстояло наниматься в коллектив магов-иллюзионистов, и мы мысленно пожелали ему успехов.

Нам же пришлось совершить изрядный крюк, объезжая главный дом, пристройки и флигели, чтобы остановиться у черного входа.

Нас уже ожидали.

Высокая, бледная, в черном платье с белоснежными манжетами и воротником, с абсолютно черными без единой пряди седины волосами экономка поместья Арнелов тоже была в курсе намечающегося. Миссис МакАверт, стоя так, словно на завтрак проглотила жердь чего-то явно кислого и несгибаемого, проследила за нашей выгрузкой из экипажа с холодным неодобрением такой степени, что нам всем стало до крайности неловко. При ней все казалось неловким любой шаг, любое действие, выражение хоть каких-то эмоций на лице.

За время нашей выгрузки она не сдвинулась ни на дюйм, стоя все так же неестественно ровно, с руками, соединенными за спиной, и с ледяным взглядом, словно пригвождавшим каждого из нас к мерзлой земле. Эта демонстрация явной враждебности привела к тому, что мы все несколько смутились, особенно миссис Боутон, которая не придумала ничего лучше, чем спрятаться за Бетси.

– Вас видно, – ледяным тоном уведомила ее миссис МакАверт. После чего, повернув голову ко мне, приказала: – Мисс Ваерти, следуйте за мной.

И, не произнеся ни слова приветствия, развернулась, скрываясь в сумраке черного входа.

Безропотно последовав за ней, я шла, с некоторой опаской оглядывая высокие темные стены. Черный ход оказался воистину черным, в том смысле, что даже обои на стенах были именно этого цвета.

– Вы единственная, на чей наем я не могу повлиять – решение в отношении личного секретаря принимает леди Арнел, – не оборачиваясь и шагая с видом полководца, идущего на бой, произнесла миссис МакАверт. – Таким образом, успех нашего с вами незаконного предприятия целиком и полностью зависит от вашей сообразительности, покорности и желания дойти до конца.

Я немного споткнулась, но, удержав равновесие, продолжила практически бежать за быстро идущей экономкой.

– Мы все прекрасно понимаем, что лорд Арнел, тот, кто является сейчас главой рода, узнает вас мгновенно, а потому нашей второй приоритетной задачей будет не допустить вашей встречи, – продолжила экономка.

Странное ощущение некоторого огорчения легко коснулось моей души, но я постаралась не думать об этом.

– К слову, вам придется солгать. – Миссис МакАверт распахнула одну из почти незримых дверей и шагнула в проход для прислуги. – Возможно, – продолжила она, уверенно двигаясь почти в кромешной мгле, – вам не известно об этом маленьком инциденте, но лорд Арнел пытался заручиться поддержкой бабушки в отношении вашей кандидатуры на роль его супруги. Как вы понимаете, подобное недопустимо. Естественно, леди Арнел выступила с жесткой критикой как желания лорда Арнела, так и его выбора. Каково ваше второе имя?

Информация поступала с такой скоростью и являлась столь противоречивой, что я уже даже не знала, стоит ли мне в целом ввязываться во все это. Меня обвиняли. Довольно открыто и безапелляционно. И пусть обвинения не прозвучали вслух, но менее очевидными они от этого не стали.

– Анабель Лили Ваерти, – с холодной учтивостью ответила я.

– Замечательно, – тоном, подразумевающим обратное, отозвалась экономка. – Лили Ваерти, так и запишем. В таком случае, если сумеем избежать эксцессов, подлог вскроется только через месяц с небольшим. Лорд Арнел просматривает текущие дела поместья исключительно в каждый четвертый четверг месяца. Надеюсь, этого времени нам будет достаточно.

Я уже мало на что надеялась, а если точнее – не надеялась более ни на что. Было крайне оскорбительно и неприятно выслушать то, что, собственно, не было высказано, но прозвучало между строк.

В этот момент миссис МакАверт остановилась, повернулась ко мне и произнесла:

– Мы благодарны за помощь, но никто из живущих в поместье древнейшего и уважаемого рода не потерпит вас в качестве леди Арнел – никогда не забывайте об этом.

И, собственно, на этом дверца, ведущая в покои старой леди Арнел, была распахнута.

И практически мгновенно прозвучал старческий раздраженный голос:

– Нора, сколько можно вас ждать?! За вами было послано три минуты назад!

За три минуты весь этот дворец не могла бы облететь даже птица, но, видимо, драконицу мало волновали подобные вещи.

– Прошу прощения, леди Арнел, – с поклоном и крайне учтиво отозвалась миссис МакАверт, – я должна была встретить вашего нового секретаря. Лили, входите.

Кто бы знал, как не хотелось мне куда-либо сейчас входить.

Но, опустив голову и при этом держа спину прямой настолько, насколько это было возможно, я вошла в гостиную, отделанную странным, на мой взгляд, сочетанием ярко-зеленого, оранжевого, глянцево-красного и лимонного цветов, сделала сдержанный реверанс и не подняла взгляда на саму развалившуюся в кресле леди Арнел.

Впрочем, слово «развалившаяся» едва ли подходило этой сильной, массивной, пусть даже и в преклонном возрасте, крайне опасной особе. Что-то подсказывало, что подобная поза для нее редкость, и, вероятно, по большей части времени она ходит со столь же гордо распрямленной спиной, как и миссис МакАверт. Но сейчас леди принимала капельницу. Полумагическое-полумеханическое приспособление вливало в вену старой драконицы одновременно и наркотик, судя по тому сиянию, что я увидела, вероятно, опиоид, и несколько жидкостей, видимо, поддерживающих здоровье леди.

Драконица потянулась за лорнетом, приставила его к глазам, хотя я могла поклясться, что зрение ее едва ли пострадало с возрастом – слишком уж хорошо я знала драконов, – и оглядела меня с ног до головы.

– Я так понимаю, мисс Лола нас покинула? – вопросила леди Арнел.

– Да. Но не будем о грустном, мисс Лили отлично заменит вашего прежнего секретаря, – уверенно произнесла миссис МакАверт.

Я же вдруг подумала – а что сталось с мисс Лолой?! Неимоверным образом ее судьба вдруг стала животрепещущим вопросом для меня, крайне животрепещущим.

– Хо-ро-шо, – именно так, по слогам, произнесла старая леди Арнел. – Нора, ознакомьте мисс Лили с ее служебными обязанностями, и где моя чертова горничная?

Горничных оказалось не одна, а две, третья подбежала через несколько секунд. Леди Арнел помогли подняться, после практически повисающая на руках леди с трудом покинула гостиную, скрывшись за дверью, ведущей, вероятно, в спальню, а я быстро сделала несколько шагов, подхватила салфетку, осторожно обернула ею дужку лорнета и поднесла приспособление к лицу.

Моя предусмотрительность оказалась нелишней – лорнет был магическим!

Стоило навести его на миссис МакАверт, и стало ясно – в ней присутствовала примесь драконьей крови. Немного, едва ли одна шестнадцатая, но она была.

– Мне всегда было интересно, что леди Арнел видит в эти, едва ли требующиеся ей стекла, – произнесла домоправительница поместья.

– Вашу кровь, – ответила я, осторожно возвращая артефакт на место.

– Простите, что?! – переспросила экономка.

– Вашу кровь. – Я поправила собственные очки, выданные мне профессором Нареллом для пущей солидности. – Артефакт уникальный, так, с ходу я едва ли смогу назвать год его создания, но основная функция – определять состав крови. К примеру, у вас в предках имелся дракон.

Стоящая прямо, как жердь, домоправительница дома Арнелов пошатнулась.

– Вы не знали? – удивленно спросила я у стремительно бледнеющей женщины.

– Нннет, – судорожно выдохнула миссис МакАверт. И, мгновенно взяв себя в руки, вновь вернулась к деловому тону общения: – Следуйте за мной, мисс Лили.

Мы прошли из будуара старой леди Арнел в ее кабинет, где имелся стол, расположенный так, чтобы его хозяйка одновременно могла и наслаждаться восхитительным видом заснеженного леса из окна, и видеть всех посетителей. Книг на полках оказалось на удивление мало, зато сам стол занимали две дюжины толстых учетных книг, и на каждой из них ощущалось легкое магическое свечение.

– То, что вы сказали, – пройдя к окну и остановившись спиной ко мне, отстраненно взирая на пейзаж, произнесла миссис МакАверт, – означает ли это, что я… я…

Повисла пауза.

– Означает ли это, что вы «что»? – подтолкнула я ее к продолжению.

– Ничего! – резко ответила экономка поместья Арнелов.

Но я, не став игнорировать ее душевный порыв, постаралась ответить:

– Означает ли это, что у вас есть магия драконов? Вполне возможно, что да, но магические способности, как и любые другие, нужно развивать. В целом же примесь драконьей крови, вероятно, дает вам некоторые преимущества в выносливости, к примеру.

Миссис МакАверт усмехнулась и, вновь вернувшись к образу суровой и непоколебимой домоправительницы, произнесла:

– Вероятно, вы правы. В обязанности горничных, которых я контролирую, входит вставать в четыре тридцать утра и ложиться к полуночи. Для меня подобный график никогда не составлял труда, и неизменно вызывало удивление то, что для других подобное сложно.

Она обернулась, взглянула на меня и перешла к главному:

– В обязанности секретаря леди Арнел входит проверка почты, чтение газет, помощь в организации приемов, размещение гостей и прочие поручения, которые леди сочтет важными. Но…

Экономка допустила паузу и гораздо тише добавила:

– Как я понимаю, вы будете гораздо полезнее роду Арнел, имея в распоряжении больше свободного времени, не так ли?

Я задумчиво кивнула и подтвердила:

– Вероятно, да.

Миссис МакАверт чуть склонила голову, принимая мой ответ, и продолжила:

– Что ж, полагаю, весьма предусмотрительным было с моей стороны оставить мисс Лолу в замке. Мы перекрасим ее волосы, найдем подходящие очки, и у вас будет одинаковая форма по шесть фунтов.

Она произнесла это с каким-то смыслом, который я едва ли уловила.

– Это дорогая униформа, – пояснила миссис МакАверт, – и в то же время это униформа. Знаете ли вы, как часто господа обращают внимание на лица тех, кто им прислуживает?

Не знаю.

– Практически никогда, – странно улыбнулась домоправительница Арнелов. – Идемте, я покажу вам поместье.

Все, что мне оставалось, – лишь безмолвно последовать за ней.

* * *

Мы вышли на этот раз в основной коридор для господ, и, величественно шествуя впереди, экономка начала рассказывать:

– В поместье Арнел входят основное здание, четыре дома для гостей, флигель для домашней прислуги, отдельные дома у ворот для охраны, два охотничьих

домика в горах. Все, что вы увидите из любого окна замка, принадлежит Арнелам.

Выглянула в окно, мимо которого мы проходили, – просторы, принадлежащие Арнелам, потрясали.

– Сто пятьдесят акров лесов, две фермы, пастбища, парк, пять садов с тропинками для прогулок, семь оранжерей, винодельня, консервационная фабрика, – обозначила размер всех «просторов» миссис МакАверт.

Мне оставалось только… поражаться.

– В доме двести девяносто комнат, – продолжила почти с гордостью домоправительница, – из них шестьдесят три спальни, пятьдесят четыре ванные комнаты, также имеется семьдесят пять каминов, три кухни, зал для гимнастики и прочих упражнений, зал для тенниса, игорная комната и бассейн.

Бассейн?!

Миссис МакАверт вновь обернулась, удовлетворенно хмыкнула, заметив мое потрясение, и продолжила:

– В прошлом году лорд Арнел провел переоборудование замка, была сделана система подачи горячей воды, вентиляционная система, построено два лифта, холодильники.

Она произнесла все это, продолжая ожидать от меня благоговейного трепета перед богатством и роскошью поместья Арнелов, но… говоря откровенно, мне гораздо милее был дом профессора Стентона, а вся эта громада замка вызывала восхищение и трепет, но едва ли могла называться домом. Дом – это что-то уютное, что-то, что можно обойти за несколько минут, а не за несколько часов…

Но экономке я воодушевленно солгала:

– Восхитительно.

– Замок действительно восхищает! – Мне показалось, что миссис МакАверт гордится им, как гордятся своим местом проживания те, кому более гордиться просто нечем.

И, продолжив следовать по галерее, украшенной портретами, картинами, вазами и всеми прочими атрибутами роскоши и искусства, домоправительница перешла от общего к частному:

– В замке четыре общих столовых. Мужская – в зеленых тонах, отделанная темным деревом, женская – светлое дерево, шелковые обои и цветы в интерьере, малая столовая для визита близких друзей – бело-голубые тона, и столовая, примыкающая к бальной зале, – бело-золотые тона. Как вы понимаете, с прибытием императорской четы и придворных завтрак и обед проходит именно там. Следуйте за мной, вам нужно переодеться.

* * *

Главный дом поместья Арнелов имел три этажа и мансарду, в которой селилась часть прислуги, еще часть, в основном горничные, жила в маленьких помещениях под лестницами, но для столь привилегированных слуг, как экономка, дворецкий, личные секретари, учителя и няни, выделялись комнаты на третьем этаже. Меня миссис МакАверт поселила у себя, и в момент, когда мы поднялись на третий этаж, в ее комнату как раз заносили дополнительную кровать.

Удивительно, но о моем появлении знали – лакеи, внесшие кровать, расположив предмет мебели, оба кивнули, произнеся:

– Доброго дня, мисс Ваерти.

– Мисс Лили, – ледяным тоном поправила их экономка.

Лакеи переглянулись, исправились и покинули нас, уступая место двум горничным.

Мою униформу принесли уже выглаженной – темно-синее, почти черное платье с белоснежными манжетами и воротничком отличалось от формы горничных как

цветом, так и качеством ткани. Правда, легло не так хорошо, как хотелось бы – прежняя секретарь леди Арнел была заметно худощавее меня, а потому пришлось изрядно затянуть корсет, чтобы пуговицы сошлись.

– Мисс Лола носила его без корсета, – ледяным тоном уведомила меня миссис МакАверт.

Тоном, явственно укоряющем в излишнем весе… меня.

– Я бы тоже предпочла носить его без корсета, – ответила экономке.

Одна из горничных осторожно встала на мою защиту и тихо произнесла:

– Я перешью второе платье.

– Да, Кейти, будьте любезны, – так, словно приказ исходил от нее, произнесла домоправительница.

Внезапно раздался звон колокольчика. Сначала одного, затем еще нескольких, и все пришло в движение. Поторопилась покинуть меня экономка, выбежали практически бегом горничные – дом начал просыпаться.

И за какие-то пятнадцать – не более – минут потеплел воздух от запылавших по всему дому каминов, разнесся аромат кофе, сдобы и… нервозности.

То, как горничные бегали, было… крайне бесчеловечно.

Бледные, все, как одна, стройные до болезненной худобы, горничные носились по замку, бегая по лестницам, но чинно шествуя в комнатах господ. А потом снова бежали так быстро, как только могли.

Появившаяся спустя эти четверть часа запыхавшаяся Бетси принесла мой чемодан, рухнула на стул и, тяжело дыша, сообщила:

– Мисс Ваерти, я бы никогда не согласилась работать в таком месте!

Следом за ней появилась миссис Макстон – в новой униформе, с белоснежным кружевным чепцом и тоже очками, она казалась старше и суровее, – и она тоже пребывала в ужасе.

– Мисс Ваерти, – моя экономка закрыла дверь, чтобы нас не услышали, и возмущенно продолжила, – это не поместье, это адское чистилище! Миссис МакАверт передала мне лишь часть ее обязанностей, но даже это… В доме семьдесят пять каминов, мисс Ваерти. Семьдесят пять! В мои обязанности входит проследить, чтобы все они были затоплены вовремя, но… Как можно за четверть часа обойти весь этот… ад, будем откровенны, и проверить каждый камин?!

Воистину, я не знала.

Между тем миссис Макстон прищурилась, затем достала лорнет, оглядела меня и сообщила:

– Это платье на вас выглядит слишком вызывающе, мисс Ваерти.

– Мне пришлось надеть корсет, – была вынуждена признаться я.

– О, несколько дней беготни по лестницам, и он вам уже вряд ли понадобится, но в данный конкретный момент, боюсь, выпускать вас в таком виде было бы… неосмотрительно.

В двери осторожно постучали, после заглянула уже знакомая мне горничная Кейти и сообщила:

– Мисс Вае… Лили, идемте со мной. Миссис Макстон, домоправительнице требуется ваша помощь. Бетси, прическа младшей леди Арнел развалилась, леди изволит рыдать.

Да, это все же был сущий ад.

Но раз уж мы в это ввязались…

– Я готова, – сообщила я горничной.

Она кивнула и отступила, позволяя мне выйти.

* * *

Идти пришлось достаточно далеко – для начала спуститься с третьего этажа на первый, используя неудобную и довольно крутую внутреннюю лестницу для прислуги, затем, все так же используя темные узкие коридоры для слуг, Кейти провела меня к месту, от которого доносился гул голосов, но после мы свернули не к дверям, через которые сновали лакеи, несколько раз обгонявшие нас, а далее, к нише, из которой вела совсем крохотная дверца в следующую нишу, занавешенную гобеленом. И, приложив палец к губам, горничная указала мне на место, откуда… благодаря двум отверстиям в самом гобелене можно было рассмотреть ту самую столовую для особо торжественных случаев, о которой говорила миссис МакАверт.

И моему взору предстал огромный стол, покрытый белой скатертью и заставленный традиционными блюдами для завтрака. Традиционными для столицы – овсянка, изюм для овсянки, тертый сыр для овсянки, различные виды варенья, добавляемого в овсянку, орешки… тоже для этой каши, а также крохотный шоколад ручной работы, миниатюрные печенья и более пяти сортов масла, частично для овсянки, частично для намазывания хлебцев различного вида. В целом набор блюд был примерно столь же постным, как и лица присутствующих.

По-моему, с приездом императора этот дом стал адом не только для слуг.

Император Вильгельм Дейрел сидел по правую руку от возглавлявшего стол по праву хозяина лорда Арнела, много ел и много говорил с набитым ртом. Кроме него не говорил никто – внушительное семейство Арнелов сидело по левую сторону от своего главы рода, и я насчитала почти тридцать драконов, это при том, что детей до восемнадцати лет за столом не было… и через несколько минут мне стало понятно почему.

– Ему нужна норовистая кобылка, – вещал император.

– Норовистая, но в меру, – продолжал он же.

– Норовистая и игривая, – снова император.

Он хлебнул вина, по-моему, единственный за столом, кто позволил себе спиртное в столь ранний час, и, продолжая запихивать в себя овсянку, в которой было все, что имелось на столе, включая соленые сыры и смесь всяческого варенья, продолжил:

– Ваш Торн сильный конь, но четыре года – ему пора на пенсию, лорд Арнел. Поверьте моему опыту, вы сможете брать по сорок тысяч фунтов за каждое спаривание вашего чемпиона. А покрыть он сможет многих.

Лорд Арнел сидел, делая вид, что очень внимательно слушает, и он был единственным, кому удавалось держать лицо. Впрочем, нет, еще супруга внимательно слушала императора, правда, в основном взирая на лорда Арнела, что касается остальных – они точно ненавидели каждую секунду этого завтрака.

– Конечно, первое спаривание – это очень ответственно, – продолжил император. – Конь, еще ни разу не покрывший кобылу, должен заинтересоваться, она, знаете ли, должна ему понравиться.

Лорд Арнел учтиво кивнул, соглашаясь, поднес чашку чая к губам и… и вдруг застыл.

– Что-то не так? – живо заинтересовалась его состоянием императрица.

И теперь на Арнела посмотрели все присутствующие, а именно более тридцати драконов, свыше сорока придворных из числа прибывших с императорским кортежем и прислуживающие в столовой лакеи в количестве более двадцати.

– Лорд Арнел, вы меня слушаете? – несколько возмутился отсутствующим видом собеседника император.

– Несомненно, – ледяным тоном ответил дракон и пристально поглядел словно бы прямо на меня.

А я запоздало вспомнила – «Uiolare et frangere morsu»!

Видеть меня Арнел не мог, но приступ тошноты, едва ли свойственный ему в обычное время, коварно выдал мое появление в замке. О Боже…

И дело приняло гораздо худший оборот, едва в столовую стремительно вошел чем-то крайне обеспокоенный лорд Давернетти и… тоже замер.

Кузены молча переглянулись…

– Все… хорошо? – многозначительно вопросил лорд Арнел.

– Теперь – да, – заметно сглотнув, так же многозначительно ответил старший следователь.

А я очень осторожно убрала с его лица иллюзию идиотской улыбки, потому как едва ли стоило так унижать дракона в присутствии столь высокопоставленных персон.

– Это замечательно. Что ж, вернемся к разговору о лошадях! – воодушевленно воскликнул император.

В столовой безмолвно, но явственно раздался всеобщий стон отчаяния.

Я взглянула на часы – трапезы подобного уровня не могли продолжаться менее сорока минут, завтрак начался в девять, сейчас же стрелки показывали всего десять минут десятого… Но если для заложников правил приличия это было адом, то для меня лишь поводом сопоставить все «да» и «нет» и решить, как поступить с табуирующим заклинанием. Снять? Я могла бы, если сильно постараться, даже и на расстоянии, но… Взгляд лорда Арнела прожигал гобелен и меня, вызывая слабость, тревогу, ускоренное биение сердца, и я не рискнула, просто не рискнула. Слишком многое теперь о драконах я знала, слишком неприятной оказалась эта правда, слишком очевидным желание что Арнела, что Давернетти прибегнуть к ритуалам, в которых я никогда бы не желала принять участие… И снимать «Uiolare et frangere morsu» я не стала.

– Кстати, а я рассказывал вам, как спаривал своего любимца? – Император пил много.

– Да, – сухо ответил лорд Арнел, продолжая смотреть исключительно на меня.

– О, это великолепная история! – воскликнул Вильгельм. – Уверен, вы с радостью выслушаете ее повторно!

Если кто-то и испытывал такую уверенность, то исключительно сам император, который, собственно, и начал вещать о том, как правильно проводить лошадиное спаривание, сколько грумов должны придерживать лошадь, сколько минут обычно занимает сам процесс и чем смазывать все у кобылы, если жеребец не может проникнуть в святая святых сразу.

Что ж, теперь тошнило даже меня.

А присутствующие в столовой заложники этикета абсолютно и полностью перестали испытывать аппетит. Все, кроме императрицы – она восторженно слушала супруга, вставляла уместные реплики и громче всех смеялась над абсолютно несмешными шутками Вильгельма.

Как все это терпел лорд Арнел, ума не приложу. Но, боюсь, рассказы императора он едва ли слышал, продолжая прожигать взглядом злосчастный гобелен так, словно видел вовсе не вышивку, а меня, определенно и конкретно – меня.

И его взгляд нервировал, не позволяя сосредоточиться на совершенно ином – на императрице. Мой интерес к ее персоне был более чем обоснован. Кольцо, которое она подарила лорду Арнелу, имело ауру, сходную с аурой самой императрицы. Но при этом я едва ли могла причислить ее к магам. И еще один интересный момент. Лорд Арнел все так же носил свое помолвочное кольцо. Практически полностью идентичное визуально тому, коим его одарила императрица, вот только это теперь действительно было золотое кольцо с печаткой, а не серебряное изделие с черным ониксом в оправе. То есть дракон не стал предъявлять обвинений, он все скрыл.

И вот мне интересно почему?

Я понимаю, что законы гостеприимства накладывали на дракона некоторые ограничения, но кольцо – его вполне можно было причислить к покушению на жизнь, сознание или же сердечные привязанности. Почему ситуацию с кольцом никто не обнародовал?!

И почему в целом все продолжают вести себя так, словно ничего не произошло?!

Я еще могла понять Давернетти – ему его высокий статус не позволял, раз уж он заявился во время трапезы с императором, покинуть этого самого императора, и старшего следователя усадили за стол. Так вот, я еще могла понять Давернетти: ему было что скрывать, и он в принципе привык все скрывать, но Арнел?

Арнел мрачнел с каждой секундой.

– Лорд Арнел, – вдруг отвлекшись от собственного супруга, насмешливо-фривольно поинтересовалась императрица, – чем же вас так заинтересовал этот старинный и весьма дурно сотканный гобелен? Вам стоит обратить внимание на присутствующих, и поверьте, вы обнаружите гора-а-аздо более интересные объекты для пристального наблюдения.

Ее тон неприятно удивил меня – императрица кокетничала. Практически открыто позволяя себе то, что в приличном обществе для замужней дамы было более чем неприемлемо. И возмущенным недоумением на ее тон отреагировала не только я: все присутствующие дамы, и особенно невеста лорда Арнела. Фальшивая лишь отчасти леди Энсан, демонстрируя как отсутствие манер, так и полное отсутствие сдержанности, швырнула ложечку, коей помешивала чай, воззрилась на императрицу и прошипела, явно забыв о той роли, которую должна была исполнять:

– Слушай, ты…

И тут же замолчала – хватило одного жеста Давернетти.

Арнел же ни на реплику императрицы, ни на выходку своей невесты не отреагировал вовсе.

И тут императрица, которая в отличие от леди Энсан, по идее, была и дамой аристократических кровей, и леди, получившей достойное воспитание, вдруг прошипела в ответ глядя на невесту Арнела:

– Слушай ты «что»?!

И я отшатнулась от гобелена.

От него, а после и вовсе вышла из ниши, используя ход для прислуги.

* * *

Я торопливо поднялась на третий этаж, вошла в комнату, которую теперь миссис МакАверт делила вместе со мной, и застыла, приложив ладони к пылающим щекам.

Императрица не была леди!

Кем угодно – портовой девкой, девушкой из работных кварталов, возможно, уличной торговкой, но не леди! Леди так не разговаривают! Леди так себя не ведут. И леди… не позволяют себе того тона, с которым она обратилась к леди Энсан… тона третьесортной лавочницы, что готова наброситься на соперницу и в драке выдернуть ей половину волос.

Экономка дома Арнелов появилась спустя минуту. Вошла, закрыла двери, посмотрела на бледную меня, все так же держащую похолодевшие ладони у лица, и спросила:

– Что мы будем делать, мисс Ваерти?

Я… я не знала.

Увиденное и услышанное шокировало меня до такой степени, что я стояла в абсолютной растерянности и просто не знала, что делать.

– Да, мы тоже обратили внимание на странности поведения ее величества, – произнесла миссис МакАверт.

В нервном волнении я начала ходить по комнате, лихорадочно меряя шагами небольшое пространство, и просто не знала, что вообще можно сделать.

– Допустим, даже если императрица выдает себя за таковую, то… то кто нам поверит? И поверит ли? – от волнения начала размышлять вслух. – И даже если правда вскроется, что последует за этим? И…

Я остановилась, рухнула на край постели и растерянно посмотрела на экономку Арнелов:

– И что помешает лорду Карио обвинить драконов в подлоге и заявить, что именно в Вестернадане императорскую чету подменили на копию? – Миссис МакАверт невесело усмехнулась.

О Боже, даже так?!

Что ж, теперь мне стало ясно, почему прислуга Арнелов с такой готовностью пошла нам навстречу… Слуги, они всегда замечают несколько больше нежели хозяева, и слуги были первыми, кто в полной мере оценил масштаб нависшей над всем Городом Драконов угрозы.

И вот сейчас я сидела под вопросительным взглядом миссис МакАверт и… не знала, что делать дальше. Я совершенно не знала. Я… я вспомнила об обручальном кольце, которое императрица подарила лорду Арнелу. Эта женщина, кем бы она ни являлась, была опасна. И если уж начинать делать хоть что-то, то лучше начинать с устранения опасности.

Решение было принято.

Судорожно выдохнув, я убрала ладони от лица, сложила их на коленях, вскинув подбородок, посмотрела на экономку Арнелов.

И задала прямой вопрос:

– Мы сможем проникнуть в комнаты ее величества?

Миссис МакАверт задумалась, после уверенно кивнула.

Снова раздался стук в дверь, вошла миссис Макстон, посмотрела на миссис МакАверт и сообщила:

– Я готова уволиться.

– Не сейчас, – категорично заявила миссис МакАверт, – возвращайтесь в столовую, я же сопровожу мисс Ваерти.

– Ну уж нет, это вы возвращайтесь к своим обязанностям, а мисс Ваерти буду сопровождать я.

– Да ни за что! – сорвалась почти на громкий шепот миссис МакАверт. – Еще одного повествования о спаривании лошадей, боюсь, я не выдержу!

Миссис Макстон открыла было рот, закрыла, подумала и сообщила:

– В целом за порядком обслуживания господ во время трапезы обязан следить дворецкий.

И в этот момент вновь раздался стук в двери.

Едва ли все мы ожидали чего-то хорошего, но только двое из нас оказались готовы к появлению оборотня.

– Ну, Анабель, ну ты и… Ветра у тебя много в голове! – заявил генерал ОрКолин, абсолютно без разрешения распахнув дверь в комнату миссис МакАверт, у которой от его наглости не нашлось сил возразить. – Виделись, – кивнул обеим экономкам оборотень.

Вошел, плотно прикрыв дверь за собой, сел на кровать миссис МакАверт, посмотрел на меня и спросил:

– Чего хотела?

От его тона и хозяйско-свойского поведения экономка дома Арнелов пошла пятнами, но едва ли кто-то, кроме меня, обратил на это внимание.

– Императрица, – прошептала я, глядя на оборотня.

– Чего с ней? – спросил генерал.

Хороший, должна признаться, вопрос.

– Она… – Я запнулась.

Хотела спросить «Она как-то изменилась?», а потом поняла – оборотни не заметили подмены невесты Арнела и продолжают считать ее все той же леди Энсан, таким образом, можно ли было надеяться, что они обратят внимание на подмену императрицы.

И все же:

– Ее величество не претерпевала каких-либо изменений в поведении, голосе, манерах или в чем-либо ином за последнее время?

К его чести, ОрКолин не стал как-либо насмешливо реагировать, он задумался. Несколько долгих секунд сидел, широко раздвинув ноги и сгорбившись, упираясь локтями в колени, затем посмотрел на меня и сказал:

– Нет, Анабель. Какой была, такой и осталась. Только ты учти, я их обоих знаю только с момента коронации.

Помолчал и добавил:

– Император меняется, я тебе говорил, думали, испустит дух, а он тут, в горах, прямо с каждым днем здоровеет. И у императрицы каждую ночь исправно появляется, так, глядишь, и наследника себе заделают, наконец.

– Генерал ОрКолин! – возмущенно воскликнула миссис Макстон.

– А, – оборотень скривился, – прощения просим, забыл. В общем, мисс Ваерти, глядишь, скоро им аист дитеночка принесет.

– В капусте найдут, – скептически хмыкнула миссис МакАверт.

После чего вопросительно посмотрела на явно негодующую миссис Макстон и воскликнула:

– Да помилуйте, дорогая, мисс Ваерти уже явно не в том возрасте и положении, чтобы не ведать о…

– О приличиях?! – перебила ее окончательно пришедшая в негодование миссис Макстон. – Миссис МакАверт, я не знаю, как у вас тут, в поместье, все устроено, но у нас правила приличия никто не отменял. Мисс Ваерти незамужняя невинная девица и…

– Невинная? – вскинула бровь миссис МакАверт.

– Абсолютно точно, могу подтвердить, – мрачно глядя на экономку Арнелов, весомо высказался оборотень.

Я поняла, что медленно багровею от стыда.

Миссис МакАверт посмотрела на меня с неожиданным негодованием, а вот миссис Макстон мстительно высказалась:

– Будете знать, как возводить напраслину на нашу мисс Ваерти!

Однако на это миссис МакАверт язвительно полюбопытствовала:

– А напомните-ка мне, сколько ночей у вашей абсолютно невинной мисс Ваерти провел лорд Арнел?

Миссис Макстон от возмущения побагровела поболее моего, но ясность в вопрос внес генерал ОрКолин:

– Миссис МакАверт, я в обществе мисс Ваерти не одну ночь провел, и даже не двадцать. Только вот на данную ситуацию вам смотреть следует, основываясь не на вашем опыте, который ситуацию представляет крайне однобоко, а в контексте того, что мисс Ваерти – ученый. И если лорд ваш несколько ночей в доме Анабель провел, значит, девочка помогла ему, и помогла бескорыстно и искренне, а вы тут… напраслину гоните, правильно вам миссис Макстон сказала.

Извинились бы вы.

И пока миссис МакАверт бледнела под гордым взглядом миссис Макстон, ОрКолин снова обратился ко мне:

– Так что мы ищем, Анабель?

И уже без споров, напоминаний о приличиях и патронаже со стороны миссис Макстон, как женщины значительно более старшей и неизменно опекающей, все посмотрели на меня. На все так же сидящую на постели, сжимающую ледяные ладони меня. И они смотрели с ожиданием, с надеждой во взгляде, а я…

А что я могла им сказать?!

Я не знала всей картины происходящего. Все, что у меня имелось в наличие, – лишь обрывочные сведения, части расколотой вдребезги мозаики, пазл с недостающими элементами. С чего начинать? И как в целом начинать, если уже накатило понимание: один неверный шаг – и тот, кто много лет стремился уничтожить Город Драконов, своего добьется?

Когда-то профессор Стентон высказал замечательную мысль: «Большой путь следует начинать с маленьких шагов».

Едва ли она подходила к данной ситуации, но именно эта фраза позволила отложить попытку понимания всего масштаба проблемы и вычленить главное.

– С ее величеством совершенно определенно что-то не так, – тихо сказала я. – И, возможно, я не права, возможно, мое предположение ошибочно, но я точно знаю – кольцо, подаренное ею лорду Арнелу, наносило ему вред. Соответственно, полагаю, будет правильным начать с выяснения причин и мотивов действий императрицы и определения уровня ее опасности для окружающих.

И я посмотрела на присутствующих. Каждый из них воспринял мои слова со всей серьезностью, и каждый же пришел к своим определенным выводам:

– Я заменю все подарки, врученные императрицей детям, на копии, – произнесла миссис МакАверт.

– У комнаты императрицы всегда стоят два конкретных оборотня. Заменю. И временно их изолирую от остальных, – сказал ОрКолин.

А вот слова миссис Макстон стали полной неожиданностью для нас всех:

– Почему из семидесяти пяти каминов нормально горят лишь семьдесят два?!

Миссис МакАверт, странно взглянув на нее, неуверенно произнесла:

– Возможно, засорились трубы?

Но мою экономку ответ не удовлетворил, и она мрачно решила:

– А возможно, со всем этим дворцом что-то явно не так. Мисс Ваерти, мы идем?

И вот, казалось бы, и у миссис МакАверт, и у генерала ОрКолина имелись дела, но почему-то обыскивать покои ее величества мы отправились всей компанией. И не только мы – Бетси, застигшая нас на пути, отдала корзинку с бельем второй горничной, навьючив ту дополнительной поклажей, и с самым деловым выражением на лице последовала за нами.

* * *

У самой лестницы, которая вела с третьего, частично занятого прислугой этажа на второй, где располагались жилые комнаты господ, генерал издал переливчатый свист. Мы остановились, ожидая каких-либо пояснений, но оборотень лишь махнул рукой, мол, «чего встали, идем, коли пошли».

И мы пошли, поняв, к чему был свист, едва свернули в восточное крыло замка – у покоев императрицы шел бой. Бесшумный, яростный и определенно нестандартный – у оборотней приняты схватки один на один, тут же мы наблюдали, как на каждого из охранников ее величества навалилось сразу по три оборотня, но даже я, находящаяся крайне далеко от военного искусства и всего прочего, видела, что пара на страже превосходила по силе тех шестерых, что с ними боролись.

А еще – этих двух оборотней я не знала.

Что странно.

Выполняя правительственный заказ, мы работали со всеми оборотнями из числа подчиненных ОрКолину, а этих… я не знала. И дело не в том, что визуально они как-либо отличались от иных оборотней, просто у этих была немного иная аура. Когда ты маг, – такие вещи подмечаешь. А когда не маг? Или когда дракон? Да даже когда оборотень?!

– Tempus! – воскликнула я, едва мы приблизились, направив заклинание именно на этих двоих.

И охранники императрицы мгновенно замерли без движения и без возможности вдохнуть.

Но если они замерли, то почему мы все, едва оборотни ОрКолина отступили, увидели, как вздымается их грудь?! Вздымается, как при дыхании… А ведь дыхания быть не должно, попросту – не должно.

– Анабель, это ведь тот самый «Tempus», да? – почесав затылок, переспросил ОрКолин.

– Да. Как вы и слышали, – напряженно ответила я.

Генерал столь часто бывал в доме профессора Стентона, что уже знал, к чему приводит применение некоторых заклинаний, и вот сейчас он тоже понял, что тут не все ладно.

Понял и… достал нож.

– Гггенерал! – воскликнула я, едва он с этим ножом, стиснув челюсти, решительно направился к двум обездвиженным подчиненным.

– А я за тряпкой и ведром! – воскликнула Бетси.

– Принесу пару простыней, – решила миссис МакАверт.

– Будем ждать или так войдем? – поинтересовалась у меня миссис Макстон.

Я же даже двинуться с места не могла, потрясенно взирая на то, что творит генерал ОрКолин. Он сорвал стальной нагрудник с первого из временно застывших оборотней, затем одним движением вскрыл его грудную клетку, и на нож, на здоровенный нож генерала прыгнуло что-то маленькое, но с жуткими омерзительными длинными лапками, окровавленное, острое, опасное и абсолютно серебряное!

Накрыв рот ладонью, я прижала ее к губам со всей силой. Только бы не заорать! Я… А вот генерал ОрКолин повел себя совершенно спокойно – стряхнул с ножа серебряного гада, а затем пригвоздил его к полу этим самым ножом, пробив серебряное «брюшко». Паук… или я не знаю, как еще это можно было назвать, задергался и забился на полу, а между тем один из оборотней уже подавал своему командиру второй нож.

Увы, но в теле второго оборотня была обнаружена абсолютно идентичная мерзость. И когда второго серебряного гада пригвоздили к полу, стоящий на одном колене генерал ОрКолин повернул голову, посмотрел на меня и спросил:

– И что это за, черт ее побери, гадость?

О, если бы я знала! То я все равно едва ли ответила бы, потому как, боюсь, временно утратила дар речи. Впрочем, утрачивать подобное в данный момент было бы убийственно по отношению к двум скованным заклинанием стазиса оборотням, а потому я произнесла:

– Veniat. Sanitatem!

Заклинание дыхания было сложнее заклинания исцеления, которое я использовала вторым словом, по той простой причине, что это оборотни и исцеление было заложено в их природе, как и ускоренная регенерация.

А потому, едва я привела их в чувство, подскочили оба. Выпрямились, заняв пост у дверей, вытянулись, как на построении, и только потом… оба разом посмотрели сначала на генерала, затем на пытающихся вырваться на свободу серебряных «пауков». Первый из оборотней пошатнулся, второй был постарше,

но, глядя на существо, пригвожденное к полу, потрясенно прорычал:

– Я считал это сном…

И посмотрел на ОрКолина. Посмотрел в ужасе. Несомненно без паники, оборотни себе подобного не позволяли, но этот ужас в его глазах…

Ужас, который испытали оборотни, я, другие оборотни в отдалении, а подчиненные генерала, не сговариваясь, изолировали этот участок коридора от любопытных глаз слуг, и даже сам ОрКолин также пребывал в ужасе. Но только не отважные женщины. Миссис МакАверт принесла две простыни и вместе с миссис Макстон торопливо протерла нагрудники оборотней, вернув затем их владельцам, Бетси ответственно отмыла пол от крови.

А вот я стояла, понятия не имея, что делать с продолжающими шевелиться серебряными мерзостями. На них не подействовало заклинание «Tempus», соответственно, моя магия тут, боюсь, была бессильна, я…

Я в целом испытывала малодушное желание развернуться и броситься прочь. И бежать быстро, так быстро, как только возможно… Все еще безмерно интересно, что стало с той горничной, которая выскочила из дома свахи миссис Томпсон, голося на весь город «Спасайся кто может»… Вопрос: а сможет ли спастись хоть кто-нибудь?!

Не знаю. Я уже, кажется, в целом ничего не знаю. Хотя если вспомнить конкретно о моем знании анатомии оборотней, то… Оборотни в целом крайне негативно реагировали на любые контролирующие артефакты, магические предметы и все прочее. Я знала об этом, потому что первым, что предложил профессор Стентон, было использование ошейников. Затея провалилась, потому как оборотни по сути своей звери. У зверей механизмы излечения на порядок лучше, чем у людей. И еще звери не терпят ничего лишнего на себе – таким образом, что ошейники, что браслеты приводили бы к одному – оборотни постепенно зверели, перекидывались и сдирали с себя ограничивающие предметы. В целом любые посторонние предметы их именно раздражали, не давали расслабиться, и как итог – оборот и срыв. Поэтому мы в свое время отказались от применения магических предметов и занялись конкретно психологической отработкой функций контроля, но за то время, пока проводились первые испытания, кое-что мы об оборотнях узнали: в их легких не

имелось нервных окончаний.

Я точно знала об этом, потому как некоторое время профессор всерьез думал вживлять магконтроллеры туда, но после отринул эту идею, да и ОрКолин в восторг от подобного не пришел.

И сейчас в этом коридоре я и генерал оба в принципе понимали, что произошло – это мы с профессором Стентоном отказались от идеи вживления контроллеров в легкие оборотней, а вот кто-то явно не отказался. И страшные слова одного из императорских охранников: «Я считал это сном»… И я невольно посмотрела на оборотня, произнесшего данные слова. ОрКолин понял все без слов:

– ИнГанаг, ты считал это сном? Каким конкретно сном?

Оборотень вздрогнул, он все еще не мог перестать смотреть на трепыхающуюся серебряную гадость, но командир задал вопрос, и оборотень был вынужден ответить:

– Частично… эротическим и…

– И вот давайте на этом остановимся, потому что тут мисс Ваерти! – негодующе оборвала его миссис Макстон.

Да, я была тут. Я все еще стояла тут. И я в отличие от присутствующих точно знала о двух моментах. Первый: оборотни в момент эротических… действ теряют чувствительность. Их природа такова, что, сосредоточившись на одном конкретном деле продолжения рода, они практически перестают ощущать боль, просто не замечают ее. Когда-то после бутылочки виски, сидя у камина, профессор Стентон рассказал мне об этом, пользуясь отсутствием вечно заботящейся о моем моральном облике миссис Макстон. Его крайне позабавил тот факт, что в этом драконы и оборотни схожи. В том, что практически беззащитны в момент соития, но при этом и драконы, и оборотни, в этот самый момент забывая о себе, полностью концентрировались на партнерше, и если бы ей грозила опасность или боль, тут уже иное дело… Но, впрочем, суть не в этом, я отвлеклась.

– Вы спали с императрицей, – произнесла без вопросительных интонаций, потому что спрашивать не требовалось, я и так уже все поняла.

– Мисс Ваерти! – возмущенно воскликнула миссис Макстон.

– «Невинное дитя», – мстительно поддела ее миссис МакАверт.

ОрКолин никак это комментировать не стал, он, как и профессор Стентон, предпочитал решать проблемы по мере их поступления, а потому, указав на металлических гадов, все еще трепыхавшихся, спросил:

– С этими что делать?

Что я могла сказать на это? Я не знала. Я абсолютно не знала, как их можно было уничтожить или хранить. Но это я не знала, а один человек в этом дворце точно был в курсе.

– Кольцо, что ее величество подарила лорду Арнелу, имело приворотные свойства, – очень тихо сказала я. – Исходя из поведения императрицы за столом, которое я имела неудовольствие лицезреть, в ее планы входило также получение возможности… – Я осеклась, но весьма красноречиво посмотрела на дверь спальни. И еще тише продолжила: – Полагаю, в покоях императрицы мы найдем, как минимум, еще одну подобную гадость. Заодно и узнаем, как их можно «хранить».

ОрКолин был оборотнем, оборотни действовали быстро.

Мгновенно нагнувшись, он принюхался к дергающему лапками механизму, встал, направился к дверям, распахнул, выламывая замок, который, оказывается, тут был, и, с шумом втянув воздух, уверенно направился в глубь покоев.

Мы с экономками последовали за ним, опасливо обойдя пытающиеся высвободиться механизмы, проследовали через приемную, будуар и попали в спальню ее императорского величества. Здесь были подушки. Много подушек. Очень много подушек, и генерал уверенно подошел к одной из тех, что украшали тахту – изумрудно-зеленой, с вышивкой в виде розовых цветов, покрутил в руках, нашел неприметную застежку, отстегнул и вынул стеклянную прозрачную продолговатую банку, в которой «спали» без движения два точно таких же механизма, которые только что были вытянуты из груди оборотней.

– Стекло? – разглядывая банку, даже как-то возмущенно вопросил ОрКолин. – Просто стекло?

– Пауков в принципе принято хранить в банках, – почему-то вставила миссис МакАверт. И она же добавила: – У нас мало времени, завтрак вскоре завершится.

Я подошла ближе к генералу. Подавить отвращение к этим существам я не смогла, а потому не прикоснулась к стеклянному вместилищу, но это не помешало мне использовать магию.

– Etcomponents! – произнесла исследующее заклинание, глядя на сосуд.

Простым он, как оказалось, не был. Экранирующее напыление ртути, магически изолирующий оникс в составе крышки, и несколько заклинаний, в которых я с содроганием опознала заклинания магов старой школы.

О Боже, да что же тут происходит?! Воистину, увиденное меня потрясло. И я поняла страшное – императрица владела магией старой школы. Определенно и безусловно. Я видела отпечаток ее ауры на кольце, подаренном лорду Арнелу, и точно такой же присутствовал на этом сосуде, который без помощи ОрКолина я обнаружила бы едва ли – экранирующее напыление ртути блокировало данный сосуд и его содержимое от любого магического поиска.

Ситуация становилась все ужаснее.

– Тех двух можно поместить в эту банку, – сообщила генералу. – Затем отдайте сосуд лорду Давернетти.

– Почему Давернетти? – возмутилась миссис Макстон.

Я могла бы сказать о том, что именно лорд Давернетти превосходно владел магией старой школы, но не стала.

Мой взгляд на генерала, его кивок в ответ, и ОрКолин вышел, оставляя нас в месте, где мне вовсе не хотелось бы находиться без защиты, впрочем, у обеих домоправительниц вид был более чем боевой и готовый к отражению любой атаки, и все же… Я внезапно ощутила, что мне безумно не хватает присутствия

лорда Арнела. Несмотря на его откровенную недостойность поведения, несмотря на желание получить от меня больше, чем даже посмел бы подумать любой воспитанный джентльмен, несмотря ни на что… В минуту опасности я невольно вспомнила все иное – то, как, стоя на скале близ моего дома, он защитил меня. И то, как подхватил, уберегая от удара при падении, когда из дома миссис Томпсон мы провалились в тайный ход, и момент, когда обратился драконом, спасая от нападения виверны, и… определенно, находись тут лорд Арнел, мне было бы гораздо спокойнее. Определенно. Но в то же время… «И да – выбрать она может мою постель. Собственно, проблем и обязанностей меньше, а на общественное мнение мисс Ваерти давно плевать». И стоило лишь вспомнить об этом, чтобы мысленно отправить Арнела катиться к дьяволу, черту и в целом в ад!

А потому, преисполнившись решимости разобраться со всем самостоятельно, я призвала простейшее заклинание поиска «Vitisquerepertor» и направила его на поиски чего-либо еще, что можно было бы обнаружить.

Но, увы, зеленоватое сияние вернулось ко мне дымчатым сероватым туманом и исчезло, так и не выявив ничего. Следовало признать тот печальный факт, что скрывать и прятать маги старой школы умели превосходно.

* * *

За истекшее время в коридоре были убраны последствия извлечения серебряных тварей из оборотней, сами оборотни вновь заступили на пост, причем те же самые, ОрКолин принял решение не менять их, и я согласилась с ним, полностью полагаясь в этом вопросе на генерала. Расстроенная тем, что не примет участия в дальнейшем, Бетси ушла относить ведра и тряпки, Серебряные гады, едва оказавшись в банке, мгновенно заснули, поврежденный замок я восстановила магией, и двери в покои императрицы охранники вежливо закрыли, демонстрируя, что нас там нет.

Но мы были – я, моя верная миссис Макстон, отважная Бетси и мрачная, как предгрозовая туча, миссис МакАверт. Понимание того, что подобную серебряную гадость могли вживить ее лорду, стало для нее сокрушительным.

Примерно столь же сокрушительным, как для меня осознание, что ее величество – маг старой школы, вероятно, ушедший от правосудия.

– Мисс Ваерти, – обратилась экономка ко мне в тот самый миг, когда я судорожно искала решение, любое из возможных решений.

И, не дожидаясь моего ответа, с трудом выговорила:

– А что, если бы ей… удалось?

Я посмотрела на миссис МакАверт с некоторым смятением, вызванным ее вопросом. Вопросом, на который экономка Арнелов ждала ответ с большим нетерпением, внешне при этом стараясь казаться почти невозмутимой. Вопросом, который искренне встревожил и меня саму, еще до конца не уяснившую, свидетельницей чего я могла бы стать, но…

Если говорить откровенно, если позволить себе думать откровенно – лорд Арнел являлся вовсе не тем, кого можно было бы столь легко подчинить. Определенно не тем. Даже при наличии кольца с приворотными свойствами, даже если бы императрице… впрочем, мне отчего-то вовсе не хочется об этом думать, так вот, даже если бы ей удалось… слиться в страстных объятиях с лордом Арнелом, вероятно… ничего бы не вышло. Несомненно, следовало бы еще изучить этих магических серебряных тварей, но я точно знала – нет ничего более сильного, чем примененное мной табуирующее «Uiolare et frangere morsu». Ничего сильнее попросту никогда не было придумано. Заклинание, основанное на глубинных инстинктах и рефлексах, закрепленное на уровне магической ауры, внедренное в момент максимальной близости, – это заклинание казалось мне незыблемым и непоколебимым. Но если реакция лорда Давернетти на него была более чем естественная, то лорд Арнел…

– Мне не хотелось бы позволять вам питать ложные иллюзии, но, вероятно, ваш лорд не поддался бы влиянию, – ответила я миссис МакАверт.

Ее взгляд выражал пламенное желание услышать большее, чем одну фразу, однако я не считала себя вправе раскрывать возможности лорда Арнела. Да, он приходился мне никем и да, ни словом, ни жестом не потребовал молчания от меня, но я все равно вполне обоснованно считала себя не вправе раскрывать его возможности, его способности и в целом тот факт, что до моего появления лорд Арнел еще был более-менее уязвим, сейчас же… По факту, даже приворотный перстень на его руке причинял ему не любовные страдания по ее императорскому величеству, а мигрень. Таким образом, уже на основании этого

можно утверждать, что действию магии Арнел не поддался.

Но развить эту мысль возможности не представилось.

Открылась дверь, в нее стремительно вошел генерал ОрКолин, еще более стремительно огляделся, вихрем пронесся к нам, сграбастал всех троих, что с его силой затруднительно не было, и, не позволив даже возмутиться, впихнул нас всех в ближайший же шкаф, а после не придумал ничего лучше, как втиснуться следом, едва ли оставив нам возможность дышать!

Но его поведение стало более чем объяснимо, когда распахнулась дверь, затем захлопнулась, а следом мы все услышали жаркое и страстное:

– Иди ко мне, мой жеребец!

И этот голос принадлежал императрице.

– О, моя норовистая кобылка! – хрипло и пьяно ответил ей император.

А в следующий момент миссис Макстон, яростно заботившаяся о моей нравственности, ловко закрыла мне уши руками. Однако это едва ли спасало – хриплые стоны, треск рвущейся материи, скрип кровати и… Не прошло и минуты, как раздался храп, причем столь громкий, что, используй миссис Макстон вместо собственных ладоней подушки, это едва ли помогло бы.

Однако должна признать, в этот миг я как-то успокоилась. Увы, я, как и большинство девушек, втайне, но все же искренне и обоснованно опасалась процесса соития, и мысль о том, что все это длится едва ли более сорока секунд, изрядно успокоила.

А далее произошло то, что никоим образом спокойствию не способствовало, – миссис Макстон убрала руки, и я услышала тихий, настойчивый звон.

Он едва ли ощущался.

Но он был.

Следом послышалось кряхтение императрицы, боюсь, выбиравшейся из-под спящего и отвратительно храпевшего супруга, щелчок, пробежавшее кромкой изолирующее заклинание, от которого у генерала ОрКолина дыбом встала вся шерсть, и голос, от коего я содрогнулась всем телом:

– Ты все сделала?

Я невольно посмотрела на оборотня – в сумраке шкафа были видны его засветившиеся глаза, ОрКолин ответил мне напряженным взглядом – мои он видел бы превосходно даже в кромешной мгле. И… этот голос мы узнали оба. Голос герцога Карио!

– Нет, – откровенно заюлила императрица, – сладенький, твое колечко не действует, а эта наглая выскочка, твоя дочь, она кидается на его защиту, как течная шавка!

У миссис Макстон явно возник повторный порыв закрыть мне уши, но ее остановил один взгляд ОрКолина и тычок в ребра от миссис МакАверт, которая вся подалась вперед, не желая пропустить ни звука из произнесенного здесь.

– Где твои манеры?! – прошипел Карио.

И осадив ту, что, по факту, должна была им повелевать, герцог продолжил:

– Если кольцо на нем, как бы силен Арнел ни был, у него максимум трое суток, не больше. Прекрати водить к себе муженька и займись делом. Что с мисс Ваерти?

Стон, выражающий разом и усталость, и негодование, и в целом нежелание продолжать данный разговор, и императрица отчиталась:

– Где-то шляется.

– Где?! – взревел, вдруг сорвавшись, герцог Карио.

– Почему я должна выяснять где?! – тоном торговки возмутилась ее величество. – Мне плевать, где шатается эта девица. Я устала! Мне надоело! Эти драконы изрядные снобы, вечно ведут себя так, словно проглотили по шпаге

каждый и теперь не могут даже согнуться толком. Мне скучно! Я хочу обратно в столицу, я…

– Захлопнула пасть!

Сказано было негромко, но пробирало до костей.

И, едва императрица испуганно умолкла, Карио продолжил:

– Анабель Ваерти опасна. Задает слишком много вопросов, знает слишком много ответов.

– О мой бог, она всего лишь какой-то маг! – Раздражение вновь послышалось в капризном голосе ее величества.

– Она невосприимчивый к драконьей магии маг! – прошипел Карио так, что у меня лично появилось желание сжаться.

Императрица же вовсе умолкла, и почти с минуту, возможно чуть дольше, единственным звуком, раздававшимся в апартаментах, был храп императора.

Затем герцог продолжил:

– Девчонку нужно убрать. Используй оборотней, после убийства отдай им приказ покончить с собой.

– Да, но они же мои! – Теперь ее величество почти хныкала.

– Найдешь себе других, – отрезал Карио. – Что Арнел, что Давернетти сумеют прочесть последние воспоминания оборотней, если те останутся живы. А мы ведь не хотим, чтобы твой супруг…

Договаривать Карио не стал, императрица и так явно все поняла.

– Девчонку убить. Я жду результата. Мне нужны результаты, а не твое нытье. Действуй.

И сеанс связи был прекращен.

Но если мы думали, что на этом все, то… сильно ошиблись.

– Clauseruntque!

Совершенно иным, не капризным, не жалобным, не истеричным тоном, а с неожиданным для нее хладнокровием вдруг произнесла императрица. И комнаты погрузились в тишину, потому что заклинание, которое дословно переводилось как «Умолкни», относилось как раз таки к императору, так что храп стих.

И если мои сообщники в деле подглядывания не поняли ничего, то я лишь убедилась в своих подозрениях – императрица являлась магом. Магом старой школы! И в свете этого становилось вопросом – кто кого использует? Ржавый дракон ту, которая при нем играет роль, а это исключительно лишь роль, или маг, причастный к одной из самых жестоких и уже запрещенных законом «сект», использует герцога Карио в своих интересах?

Затем раздались шаги – нервные, резкие, злые. Злость в целом ощущалась привкусом в воздухе. Еще несколько минут императрица напряженно ходила из угла в угол, затем послышался робкий стук, но не во входные двери, а в одну из тех, что полагались для прислуги.

– Veni in! – находясь в волнении, императрица перешла на смесь древнего и магического.

Но та, что стояла по ту сторону двери, поняла его прекрасно.

Скрип приоткрытой дверцы, шелест платья вошедшей служанки и тихое:

– Моя императрица.

– Коршун бесит! – срывая злость словами, прошипела императрица.

Ее собеседница ответила смиренным:

– Несомненно, дракон вызывает лишь раздражение, но помните о нашей великой цели, моя императрица.

Теперь я уже едва ли дышала, жадно ловя каждое слово.

– Да, великая цель – оставить этих доисторических ящеров в их доисторических легендах, – судя по звуку, императрица рухнула то ли на кровать, то ли в одно из кресел.

Несмотря на имеющееся заклинание, император, видимо, перевернул свое грузное тело на бок, всхрапнул и вновь утих.

– Его величество начинает досаждать, – тихо, но с хладнокровием убийцы произнесла служанка.

– Не смей, – почти по слогам сказала императрица. – В поместье находится Давернетти, он чувствителен к нашей магии. С императором я разберусь руками Арнела. А после уже будет не так важно, кто действительно убил – драконы начнут бойню, оборотни в стороне не останутся, а мы с интересом понаблюдаем за развитием событий. Это будет крайне… забавно.

Секундная пауза и вопрос служанки:

– А леди Энсан?

– Грязная полукровка! – Императрица выплюнула это слово с досадой и раздражением. – Проклятая полукровка, моя магия на нее не действует.

Едва слышная усмешка и тихое:

– Моя госпожа, не во всех ситуациях требуется магия, существуют и гораздо более легкие способы… устранения. Вы позволите мне?

Пауза и задумчиво сказанное императрицей:

– Арнел будет в бешенстве.

– Арнел будет обеспокоен последствиями и, дабы заверить в своей непричастности, придет к вам. А вы, я уверена, сумеете максимально выгодно использовать его желание оправдаться…

Миссис МакАверт от возмущения открыла было рот, не в силах сдержаться. Но у моей миссис Макстон присутствовали и выдержка, и сноровка, так что экономке Арнелов попросту закрыли этот самый рот, вынуждая на корню заглушить все негодование.

– Действуй, – через несколько долгих секунд произнесла императрица. – Что бы ни говорил Карио, на данный момент Арнел даст ему сто очков вперед в любой сфере, вот он бы был прекрасным императором, но не станет. Хотя я была бы не против просыпаться в его постели каждое утро… Мечты, мечты. Убирай девчонку Энсан. У Карио этих дочерей, как собак нерезаных, одной больше, одной меньше, а нам не помешает несколько усилить его ненависть к драконам Железной Горы.

– Как пожелаете. – Снова шелест ткани, служанка явно склонилась в реверансе.

– А… и еще, чуть не забыла, – судя по голосу, императрица безумно хотела спать, и потому слова ее перемежались зевками, – мисс Ваерти.

– Да, госпожа?

– Пусть за девчонкой присмотрят. Карио боится ее, мне плевать, по какой причине, но если для него так важно ее устранение, мы со своей стороны сделаем все, чтобы этот драконий выкормыш и далее вносил некоторый диссонанс в планы и стратегии Ржавого дракона.

Пауза и сказанное весьма осторожно:

– Боюсь, это едва ли возможно, моя госпожа, в городе две виверны. Одна была схвачена при непосредственном участии мисс Ваерти, а потому вторая не успокоится, пока не отомстит.

Мы все… практически не дышали, а вот императрица, вдохнув полной грудью, шумно выдохнула и прошипела:

– Откуда в этом проклятом железном городе взялись две виверны?! – Тихое ругательство и полувопросительное: – Мы кого-то пропустили? Как они выжили? – И почти крик: – Откуда виверны?!

Ответом ей было молчание, затем последовало осторожно сказанное:

– Все несколько вышло из-под контроля с этой запущенной магистратом программой селекции. Боюсь, я не могу сказать точно, кто они и каким образом им удалось выжить.

Еще один шумный вздох с трудом сдерживающей злость императрицы и неожиданно спокойное:

– Присмотри за мисс Ваерти. Лично. Как только устранишь «неледи» Энсан. Таким образом, Арнел будет занят похоронами, эта вездесущая ищейка Давернетти станет шнырять в поисках убийцы и попытках прикрыть смерть дочери от Карио, а мы получим полную свободу действий, как минимум, до самых похорон. И да, я непременно… непременно приложу все усилия, чтобы «утешить» лорда Арнела.

Холодок ужаса, до того пробирающий, несмотря на тесное помещение и тепло ОрКолина, а оборотни имеют несколько более высокую температуру тела, нежели люди, сменился приливом жара, опалившего мое лицо и приведшего к пониманию – ни-ког-да! Она никогда не получит лорда Арнела! Просто вот ни…

И на этом я сказала себе «Стоп».

Это абсолютно не мое дело, с кем, как, когда и каким образом будет искать утешение лорд Арнел. Определенно, я сделаю все, чтобы не допустить причинения ему вреда, но по факту – чем больше я думала об этом, тем больше понимала: никто и никогда не сумеет контролировать данного дракона. По причине того, что я натренировала его в достаточной степени, и потому, что в драконьей форме существования Арнел оставался абсолютно мыслящим и контролирующим себя существом в отличие от оборотней, в звериной фазе перестающих отдавать себе отчет в собственных действиях. И все же возмутило и поведение императрицы, и то, что она собирается «утешать» лорда Арнела. Почему-то безумно не хотелось, чтобы он испачкался в этих «отношениях».

А впрочем, какое мое дело?! Никакого. Абсолютно никакого.

Но, как оказалось, не только мне не понравилось истовое желание ее величества «утешать» лорда Арнела.

– Вы влюблены в Арнела, – произнесла вдруг без всяческого пиетета служанка.

– Я? – возмутилась императрица. – О нет, что ты, я всего лишь следую плану и…

И оправдываться ее величество прекратила.

Поднялась, прошлась, шумно ступая по полу, затем произнесла:

– А почему нет? Говоря откровенно, за двести прожитых лет я впервые встречаю мужчину, который действительно имеет право называться мужчиной. Он умен, благороден, силен, полон сдержанного достоинства. И он красив. Не той жеманной неестественной красотой, коей так часто увлекаются девицы и солидные дамы столицы, о нет – Арнел прекрасен, как эта гора, как серые незыблемые скалы, как воин, как… пусть даже дракон. Влюблена? Возможно. Сложно не полюбить того, кто действительно заслуживает лишь искреннего восхищения. И крайне печально думать, что, будь у меня Арнел, задуманное уже давно было бы воплощено в реальность.

Ах ты…

Я осознала свой невольный порыв выйти из этого шкафа только тогда, когда ОрКолин банально стиснул меня своими крепкими руками и тем охладил весь мой пыл. Действительно, было бы крайне глупо и недальновидно обозначить свое присутствие для той, чей возраст, по ее собственным словам, перевалил за отметку в два века.

Два века!

Двести лет!

Эта цифра восстала перед моим рассудком опаленными огнем символами. Двести лет! Так вот почему у императорской четы нет детей! Это не происки

герцога Карио, это неспособность магов старой школы, сделавших выбор в пользу продления жизни, иметь детей в принципе. И это не император Вильгельм был бесплоден, а его супруга никоим образом не могла произвести дитя на свет.

И возник один очень важный вопрос: а знал ли герцог Карио о том, что имеет дело не с женщиной дурного воспитания, а с магиней, чей возраст существенно превосходит его собственный? И ответ очевиден вовсе не был. К примеру, лорд Давернетти превосходно знал, что миссис Тодс, супруга владельца цветочной лавки, является магиней старой школы, и… цинично использовал ее в своих целях. А герцог Карио? Знал ли он?!

– Вам следует быть осторожнее, – тихо сказала служанка. – Вы, безусловно, правы в одном – лорд Арнел умен. Не забывайте об этом.

И после шелеста ткани, видимо, свидетельства очередного реверанса, служанка покинула свою госпожу и нас, все так же остававшихся в тесном шкафу и откровенно шокированных всем здесь прозвучавшим и произошедшим.

Томиться взаперти, к нашему великому счастью, пришлось недолго – появилась еще одна служанка, раздался приказ от императрицы наполнить ванну, и вскоре послышался шум воды, а после и смех ее величества.

Дальнейшее я предпочла не слышать.

– Inuisibilitas, – прошептала я, окутывая всех нас заклинанием невидимости.

И едва генерал ОрКолин понял, что не видит собственных рук, мгновенно взял на себя операцию по бесшумному выдворению всех нас из императорских покоев. Для него это не составило труда – без малейшего скрипа открыть дверцы, вытащить всех нас, пронести через будуар, после через гостиную императрицы, открыть дверь и выйти.

Присутствующая охрана повела носами, демонстрируя, что нас заметила, и тут же один из оборотней указал на ближайшую дверь для прислуги.

Я, не уловив значения этого жеста, произнесла «Acies». Произнесла, возвращая нам всем зримость…

… и тут же теряя ее, потому как ОрКолин, запихнув нас в проход для прислуги, мгновенно закрыл дверь, оставляя нас троих в полумраке и абсолютном недоумении.

Но недоумение испарилось мгновенно, едва генерал воскликнул показно-радушным тоном:

– Лорд Давернетти! Лорд Арнел! Какая встреча!

В противовес его громкому заявлению миссис МакАверт раздраженным шепотом спросила:

– Они вас что, чуют?

– В некотором смысле да, – была вынуждена сообщить я.

– И каким же образом это проявляется? – Саму экономку Арнелов трясло, и трясло заметно, но она каким-то чудом сдерживалась, а потому я предпочла быть по возможности откровенной.

– Их тошнит, – услужливо ответила женщине.

Миссис МакАверт возмущенно посмотрела на меня и вопросила:

– В каком смысле?!

– В прямом, – вместо меня ответила миссис Макстон. – Вы же не думали, что наша девочка будет спокойно терпеть домогательства?! О нет, мисс Ваерти не такая! И да, тошнит их преизрядно, но не это ведь сейчас главное, не так ли?

И, ухватив меня за руку, миссис Макстон торопливо, но максимально бесшумно повела за собой по коридору для прислуги и прочь от двух драконов и одного пытающегося их отвлечь оборотня. И она была совершенно права: главным сейчас была вовсе не реакция драконов – нам всем следовало поспешить и

спасти, именно спасти пусть и фальшивую, но невесту лорда Арнела.

И тем сильнее было наше разочарование, когда, ввалившись в покои леди Энсан, мы застали там лишь двух ее горничных, и только.

– О мой Бог, – вдруг прошептала миссис МакАверт, – леди Энсан сейчас должна находиться на чаепитии у старой леди Арнел!

И побледневшими до синевы губами добавила, остолбенев от ужаса:

– Они обвинят в отравлении старую драконицу!

* * *

Пожалуй, еще никогда в жизни мы с миссис Макстон не бежали столь стремительно, задыхаясь и едва ли обращая на это внимание, в попытке хотя бы догнать миссис МакАверт. Экономка Арнелов мчалась по коридорам и лестницам для прислуги, снося все на своем пути, так что нам с миссис Макстон приходилось уворачиваться от падающих подносов, которые не выдержали столкновения с драконьей экономкой, извиняться перед потрясенными сбитыми как с толку, так зачастую и с ног слугами и дважды выпутываться из полотенец и постельного белья, которое прачки тащили вниз для стирки.

И бежать, бежать, бежать…

Коридоры и переходы в какой-то момент стали казаться нескончаемыми, но лишь на миг, уже в следующий мы едва ли не врезались в миссис МакАверт, которая замерла, пытаясь отдышаться и попутно одергивая передник, поправляя манжеты, прическу, оглаживая подол платья. За две секунды миссис МакАверт вновь приняла вид строгой непоколебимой и непогрешимой экономки без каких-либо признаков усталости, и мы с миссис Макстон могли лишь восхищаться – обе мы (я из-за слишком сильно затянутого корсета, моя экономка в силу возраста) дышали с трудом и хрипом и, боюсь, представляли собой не самое лучшее зрелище.

Вновь чопорная и безупречная, миссис МакАверт посмотрела на нас с некоторым высокомерием, хотела было что-то сказать, но не произнесла ни звука, резко

выдохнула, жестом попросив оставаться здесь, открыла дверь и шагнула в комнаты леди Арнел, оставив дверь незакрытой, чтобы мы все слышали.

Но слышать и видеть – несколько разные вещи.

– Speculum Varum distortis! – прошептала я, призывая заклинание искаженного зеркала и, вопреки всем этическим нормам, устроившись на полу.

Сил стоять на ногах после столь стремительной пробежки у меня уже не оставалось, у миссис Макстон так же, а потому она последовала моему примеру и села рядом, привалившись спиной к стене и приготовившись лицезреть происходящее, для нас чередой кадров транслирующиеся на окно так, как если бы кто-то за нашими спинами включил проектор.

Итак, перед нами предстала гостиная леди Арнел.

Чинное чаепитие, чинные леди, благочестие и благопристойность в каждом движении. В тех же движениях, поворотах голов, прикосновениях к чашечкам с чаем читалась порода. Воспитание, истинное воспитание леди, превращающее порой даже самых живых и исполненных энтузиазма в подобие механических кукол. Куклы эти были безупречны, как бывают только куклы, и превосходно воспитаны, что неизменно выделяло любую леди на фоне всех иных женщин.

Возможно, именно поэтому леди Энсан, которая не получила ни должного воспитания, ни манер, прививаемых леди с раннего детства, смотрелась в комнате пожилой драконицы совершенно инородно и даже несколько нелепо, и она это чувствовала. Бледно-золотые волосы, огромные синие глаза, светлый тон кожи… дрожащие ладони, затянутые в перчатки.

Леди Энсан выделялась более чем. Она была здесь чужой, абсолютно чужой.

И цвет волос лишь подчеркивал это.

Все присутствующие леди были Арнел. Абсолютно все. Черные густые волосы, имевшие проседь лишь у самой старшей из дам, белоснежно-фарфоровая кожа, черные глаза, переливающийся серебром вертикальный вытянутый зрачок. И… уверенность. Непробиваемая, железная, абсолютная уверенность. Это в

трапезной с императором леди вели себя как истуканы, а здесь территория принадлежала им. Территория, преимущество, родство, и в целом, несмотря на абсолютное следование этикету и правилам хорошего тона, лично у меня создалось впечатление, что это не леди собрались в гостиной на чаепитие, но змеи – сытые, довольные, опасные, разлеглись на камнях, нагретых солнцем, и с лениво-небрежным интересом взирали на свою жертву.

А леди Энсан была именно жертвой.

– Спина, – сказала ей одна из дам.

– Не отгибайте мизинец, когда держите чашку, это выдает в вас плебейку, – заметила вторая.

– Что это за выбор утреннего платья, вы выглядите как деревенщина, – добила третья.

– И на «этом» мой сын вынужден будет жениться… Это ужасно! – высказалась четвертая.

И я как-то невольно присмотрелась к ней, поняв, что… это мать лорда Адриана Арнела.

Она была надменна, прекрасна, холодна, воспитана и едва ли могла вызвать добрые чувства, к примеру у меня. Высокая, худощавая, традиционно для этого рода с черными блестящими волосами, фарфоровым лицом, на котором практически не отражалось никаких эмоций, и с холодным змеиным взглядом драконьих глаз… Очень знакомых мне глаз!

И эти глаза были знакомы не только мне.

– О… – выдохнула потрясенно миссис Макстон. – Мисс Ваерти, душечка, только не говорите мне, что эта бесстыжая змея…

– Не говорю. – Я позволила себе перебить излишне взволнованную домоправительницу. Помолчав, добавила: – Но я так и не думаю. Здесь что-то не так.

– Что может быть не так? – обреченно вздохнула миссис Макстон. – Она сказала «мой сын».

Я промолчала. И все же эта хорошо известная мне личность вызвала некоторые сомнения в том, что данная леди является матерью лорда Арнела. Существенные сомнения.

И вдруг все изменилось – из поз, взглядов и интонаций леди исчезла всяческая враждебность, одна из самых молодых присутствующих начала что-то рассказывать про забавный случай с какой-то модисткой в столице, остальные с вежливыми и приветливыми улыбками с подчеркнутым интересом внимали, и только леди Энсан сидела все столь же подавленная, не сумевшая так же быстро подстроиться и изобразить, «что все прекрасно».

Причина изменений в поведении леди выяснилась почти сразу – вошла прислуга. Дамам принесли чай, пирожные, сливки, сахар, несколько видов джема и яблочный пирог.

– Мои дорогие, по моему лучшему рецепту, – сказала, гордо улыбнувшись, старая леди Арнел. – Леди Энсан, вы обязательно должны оценить вкус традиционной домашней выпечки.

До зубовного скрежета приевшаяся ситуация – у каждой хозяйки в империи имеется свой рецепт яблочного пирога, и каждая неизменно считает именно его эталонным и непревзойденным. В пору своей юности вынужденная сопровождать маменьку во время визитов, я успела возненавидеть яблочный пирог во всех его вариациях, ведь порой приходилось хвалить – с трудом сдерживая желание сплюнуть поданный десерт. Воистину, лишь мастерство мистера Оннера позволило мне вновь проникнуться любовью к данному, весьма любимому в детстве пирогу.

И я откровенно порадовалась, что не занимаю место леди Энсан и, соответственно, лично мне не придется пробовать очередной «прекрасный образец домашней выпечки», но уже в следующее мгновение все поводы для радости испарились.

Горничная.

Как леди Энсан выделялась на фоне остальных леди Арнел, так и одна из горничных выделялась на фоне остальной прислуги. Во-первых, она была несколько полнее изможденной прислуги поместья, а во-вторых, на ней едва читалась, но все же читалась магия иллюзии.

– Мисс Ваерти, дорогая, что с вами? – встревоженным шепотом вопросила миссис Макстон.

Я, пристально следившая за происходящим, ответила лишь кратким:

– Горничная с пирогом.

– Что с ней? – с нарастающим недоумением вопросила моя отважная домоправительница.

– Телосложение. – Я едва могла говорить, отслеживая каждый жест этой весьма подозрительной прислуги.

– Мисс Ваерти, о чем вы? – миссис Макстон заметно встревожилась. – Девушка столь же худа, как и прочие в этом аду.

Визуально – да. Фактически же – нет.

Горничная использовала магию, самую примитивную и простейшую магию, которую едва ли могли распознать драконицы. Все, кроме леди Энсан, что в силу своей крови вполне могла видеть сквозь иллюзию. Но эта несчастная единственная здесь не знала всю прислугу в лицо, а потому и заметить подлог была не в состоянии.

Хорошо все рассчитали… Практически идеально!

И я продолжила пристально следить за горничной, которая подала леди Арнел пирог, и… она не только телосложением отличалась от прислуги, имеющейся в доме Арнелов, – она была искуснее. Быстрая и ловкая, ловкая настолько, что, когда леди Арнел разрезала пирог, подставила ей другую тарелку. Не ту, которая имелась в стопке для раздачи выпечки остальным леди, а отдельную и стоящую на подносе чуть в стороне.

И никто ничего не заметил!

Никто не обратил внимания, что именно эту тарелку служанка подала только тогда, когда убедилась, что именно ее подадут леди Энсан.

Я наклонилась вперед, напряженно следя за происходящим, оглядев гостиную, отыскала взглядом и миссис МакАверт – та была занята заменой чая! Чая! Она решила, что яд растворят в нем, и упустила момент с пирогом.

Она же и сказала:

– Вы свободны, – обратившись к горничной.

Та, сделав реверанс, покинула гостиную леди Арнел, но уже у дверей быстро оглянулась и, увидев, что леди Энсан принимает подношение, беря тарелку дрожащими пальцами, очень недобро усмехнулась и вышла, закрыв за собой дверь.

В следующий миг старшая леди Арнел взмахом руки призвала магию, экранируя помещение от любых взглядов и ушей и попутно уничтожив мое «Speculum Varum distortis».

Леди собирались перейти к серьезным разговорам под незатейливый десерт и традиционное чаепитие, а леди Энсан придется съесть пирог до последнего кусочка, потому как именно это является одним из показателей уважения к хозяйке дома.

На принятие решения не ушло и секунды.

Вскочив, я достала очки из кармана, выданные мне мистером Нареллом, нацепила на нос и выбежала из дверей для прислуги с воплем:

– Стойте! Это нельзя есть!

На мое появление испуганным возгласом отреагировали лишь двое – леди Энсан и миссис МакАверт, обронившая поднос с чаем, который явно собиралась вынести.

Что касается остальных – леди рода Арнел лишь вопросительно вскинули бровь, все, как одна, повторив этот жест, и это было их единственной реакцией.

Я же… я ощутила себя так, словно ворвалась в террариум. И в этом террариуме ни одна из змей даже не напряглась – воистину, я для них являлась личностью, не представлявшей никакого интереса. Всего лишь секретарь бабушки Арнел, пусть и со странными возгласами, но дама, находящаяся гораздо ниже их по положению, а значит, вообще не имевшая значения.

И только троим до меня было дело.

Старой леди Арнел, возмущенно произнесшей:

– Мисс Лили, где вы были все утро? У меня скопились оставшиеся без ответа письма. Где ваш профессионализм?! Вы были приняты на работу исключительно по причине того, что миссис МакАверт ручалась за вас, но, боюсь, вы попросту обманули добрую женщину!

Тете лорда Арнела, с нарастающей тревогой вглядывающейся в меня.

И… самой ужасной женщине из всех, кого я знала.

– Мисс Анабель Ваерти, – издевательски вальяжно перебила ее леди Беллатрикс Арнел, урожденная Стентон. На ее губах зазмеилась издевательская улыбка, и она добавила: – Какая встреча!

Можно ли ненавидеть кого-либо столь яростно и в то же время абсолютно безысходно? Увы, я знала ответ.

С холодной ненавистью встретив взгляд леди Беллатрикс, которую называть «леди» язык не поворачивался, сухо ответила:

– И эта встреча, к моему искреннему сожалению, вновь не радует ни причинами, ни событиями, ни даже последствиями.

И, стремительно приблизившись к леди Энсан, я вырвала из ее дрожащих рук тарелку с пирогом. Сам пирог швырнула в камин, простерла ладонь над тарелкой и произнесла:

– Verum!

Заклинание истины слетело с моих пальцев тремя синими искорками, коснулось тарелки и вспыхнуло темно-зеленым черепом, мгновенно возведя яд не только в категорию наиболее смертельных, но и в категорию получивших достаточную известность, затем заклинание разложило яд на три составных части, и… тарелка дрогнула уже у меня в руках.

И, боюсь, спокойствие в данной ситуации сумела сохранить лишь миссис МакАверт.

– Яд был не в чае? – мгновенно осведомилась она.

– Нет. – Я усилила формулу отравляющего вещества, обозначенную заклинанием истины, и ответила экономке: – Видимо, о том, что встреча в гостиной леди Арнел проходит исключительно между родственницами, в императорской свите известно. Учитывая, что основной целью было подставить леди Арнел, необходимо было использовать наиболее быстро действующий состав. Такой, что вызвал бы мгновенное отравление у драконов. Но убивать всех леди в поместье не входило в планы отравителей. Яд должна была получить только леди Энсан. Она и получила. И состав задействованных веществ… впечатляет.

На какое-то мгновение мне стало дурно. Это был не один яд. Они использовали три отравляющих вещества – стрихнин, тетрадотоксин и фтористоводородную кислоту. Это был яд, от которого невозможно спасти. Просто никак. Отравленного ждала долгая, показательно мучительная смерть, без возможности хоть как-то облегчить страдания и абсолютно без шанса на исцеление.

– Мисс Ваерти, – миссис Макстон, моя верная домоправительница, поспешила ко мне, – дорогая, вы побледнели до синевы.

– Немудрено, – я все еще в ужасе смотрела на формулу, – убийство должно было стать громким, более чем громким, и огласка была бы существенной.

Я обернулась к миссис МакАверт и спросила:

– Как долго обычно продолжается чаепитие в гостиной леди Арнел?

Та, испытывая некоторую неловкость от полного игнорирования мной присутствующих леди, все же ответила:

– Обычно около получаса.

Какой… ужас.

Я даже не знала, как словами передать то, насколько все это было ужасно.

– Тридцать минут… – голос дрогнул, – первым действующим веществом должен был стать тетрадотоксин. Этот яд полностью парализовал бы ротовую полость леди Энсан, говорить и глотать она бы уже не смогла, затем последовали бы судороги. Вероятно, к этому моменту был бы вызван врач. Лучшим врачом в Вестернадане, насколько мне известно, является доктор Эньо. Путь от его дома до поместья Арнел занимает около получаса. Тридцать минут. Этого времени хватило бы стрихнину, который является вторым компонентом яда. За эти тридцать минут леди Энсан начало бы тошнить, последовала бы рвота, затем хаотичное сокращение мышц. Но все это выглядело бы как недомогание, а потому произошедшее никто бы не стал скрывать, даже не догадываясь, что к тому моменту, как появится доктор Эньо, в дело вступит фтористоводородная кислота, и вероятно, к началу осмотра у леди Энсан уже имелись бы повреждения не только желудка, но и костей. Я…

Я ничего больше не смогла сказать.

Мне доводилось видеть, как фтористоводородная кислота разъедает лабораторных крыс, и я не знаю ничего хуже этого яда. Ужасный. Причиняющий невыносимые муки. И… необратимый. Тетрадотоксин и стрихнин можно было бы блокировать магически даже простым заклинанием «Tempus», но фтористоводородная кислота практически неподвластна магии. А все вместе… Ни один врач, даже маг старой школы не сумел бы спасти леди Энсан, вкуси она малейшую толику этого трехкомпонентного яда.

– Знаменитая и всезнающая мисс Ваерти! – высокопарно-издевательски провозгласила леди Беллатрикс, являющаяся, к моему огромному сожалению, и Стентон, и Арнел.

И я была до крайности изумлена тем, что после всего услышанного единственным, что интересовало эту подлую женщину, была я, но вызов был принят мгновенно.

– Драконицы! – не скрывая ни своего истинного отношения к данной расе, ни гнева, воскликнула я. – Знаменитые, ничего не знающие драконицы!

О Боже, произойди подобное в мои семнадцать лет, вероятно, я трепетала бы, как хрупкая роза под проливным дождем, но сейчас…

– А вы дерзки! – произнесла, надеюсь, все же не мать лорда Арнела.

– А вы мне отвратительны! – воистину у меня были причины для подобных заявлений.

Дамы остолбенели.

– Мисс Ваерти! – потрясенно воскликнула миссис МакАверт.

О, действительно, как же я могла высказать вслух то, что думала?! Нарушение правил приличия! Нарушение этикета! Недопустимое поведение!

Вот только:

– Миссис МакАверт, я искренне сожалею, что высказалась подобным образом в вашем присутствии. Я понимаю, что вы, как домоправительница поместья Арнелов, обязаны заботиться о добром имени тех, кто принадлежит к данной семье, и потому продолжать не стану. Только лишь позволю себе дать всем присутствующим хороший совет – не принимайте что-либо из рук леди Беллатрикс Стентон, ведь оно может… содержать яд!

И подобного выпада мне не простил никто.

– Вы намекаете, что это я желала отравить леди, которую мы все вынуждены выдавать за Энсан? – Беллатрикс Стентон поднялась с тахты.

Смерив драконицу скептическим взглядом, я поинтересовалась:

– Разве это ваша горничная подавала тарелки для десерта?

И все застыли.

Дамы переглядывались, миссис МакАверт после недолгого размышления была вынуждена растерянно признать:

– А кто это был? Я не обратила внимания, а сейчас понимаю, что не запомнила лица.

И она вопросительно поглядела на миссис Макстон. Моя экономка, тяжело вздохнув, объяснила:

– Магия иллюзий, миссис МакАверт. Моя мисс Ваерти в этом разбирается, вот и увидела сразу.

Все остальные леди молчали, и лишь леди Энсан едва слышно прошептала:

– Эта горничная была… крепче телосложением, но я не обратила внимания, я…

Она умолкла.

Мне же пришлось выдержать не самое приятное противостояние – леди Беллатрикс испепеляла меня ненавидящим взглядом, а я, боюсь, отвечала ей тем же. И все же именно мне пришлось поставить точку.

– Мы обе прекрасно знаем, за что и в чем конкретно я обвиняю вас, и к данной попытке отравить леди Энсан это не относится, – холодно произнесла я. А затем добавила: – Всего доброго, леди!

И с этими словами я направилась к двери, намереваясь разыскать лорда Давернетти и всучить ему как эту тарелку, так и кипу далеко не радостных новостей, но…

– Эй, ты, эта… – голос фальшивой леди Энсан дрогнул, – сссспасибо.

Ее высказывание меня остановило.

Медленно обернувшись, я посмотрела на в высшей степени несчастную девушку. Она могла родиться леди, она могла жить совсем иной жизнью, жизнью любимой дочери, а не незаконнорожденной и выброшенной в ближайший работный дом, с печальной судьбой, уготованной всем бастардам. Но увы…

И я могла бы промолчать, но вот я смотрю на данную леди Энсан, а вижу ту, другую, с разорванным горлом, в белом, испачканным кровью платье, которое треплет ледяной ветер, бушующий среди заснеженных гор. И той леди Энсан я, к сожалению, уже ничем не смогла помочь, но я была искренне рада, что смогла спасти от лютой смерти эту. Но, несмотря на спасение, мне хотелось ей помочь, и я… решилась рассказать:

– Не знаю, говорили ли вам, – я старательно подбирала нужные слова, – но вы абсолютно идентичны той, кого сейчас «заменяете». Вы леди Карио-Энсан по крови и по рождению. Я не знаю, какой была ваша судьба, подозреваю – нелегкой, но вы должны знать: вы леди Карио-Энсан, вы дочь герцога Карио и баронессы Энсан. Не важно, законнорожденная или нет, вы – леди. И пусть вы не получили достойного воспитания, но, исходя из только что произошедшего, вы в значительной степени воспитаны лучше, чем все присутствующие здесь леди.

И, склонив голову в знак прощания, я уже даже почти взялась за ручку двери, когда леди Энсан, поднявшись, в нервном волнении проговорила:

– Н-н-но это невозможно! Моя мать была доброй женщиной, однако лишь прачкой. А мой отец погиб, едва мне исполнилось восемь, его загрызли волки, папа отстал от обоза, и лес… Он был возчиком и возил промышленные грузы по всей империи, и он любил меня так сильно, как только может любить добрый отец свою дочь… Мое детство было счастливейшим временем моей жизни, но маменька не сумела перенести горя от потери папы, она утратила силы, дело завершила чахотка. Так я осталась одна. И то, что вы сейчас сказали… разве

может быть правдой?!

Бедное дитя. Я вдруг подумала о том, что было бы, не случись такое несчастье с ее приемным отцом? Да, пусть в бедности, но она прожила бы счастливую жизнь в любви и заботе, в тепле семьи, которая приняла ее как родную, но…

– Мне очень жаль. – Я не сумела бы скрыть сочувствие, даже если желала бы. – Я очень рада, что судьба ваша была в значительной степени более завидной, нежели представленная мной, и все же вы должны знать правду. Вспомните момент, когда герцог Карио, ухватив вас, оцарапал, и капля вашей крови разделилась на две ясные картины: первая отображала коршуна с раскрытым клювом – символ дома Карио, вторая – полураспустившуюся белую розу, обвитую виноградной лозой, – символ дома Энсан. Вы леди Карио-Энсан. Это несомненно. И… мне жаль. Исходя из сказанного вами, вас удочерила добрая и светлая семья, и я вполне понимаю и разделяю ваши чувства и ваше ощущения горя – ведь описанный вами достойный мужчина куда как более достоин быть вашим отцом, нежели герцог Карио.

В глазах стоящей девушки заблестели слезы. И как же она была красива в этот миг… пока молчала.

– Выходит, этот ублюдочный герцог меня состряпал?! – хриплым голосом вопросила леди Энсан.

Да, в такие моменты понимаешь, сколь существенна пропасть между грубоватым языком народа и воспитанной утонченной речью дам высшего общества. И тем не менее:

– Да, именно он.

– Я попросила бы вас не выражаться при мисс Ваерти! – возмущенно воскликнула моя верная своим принципам миссис Макстон, готовая в любой ситуации стоять на страже моей невинности.

Стараясь хоть как-то сгладить обстановку, я с искренним участием посоветовала леди Энсан:

– Думайте о хорошем. Мне жаль, что вашим отцом является столь недостойная личность, но вы его плоть и кровь, а соответственно, вы станете супругой лорда Арнела, имея на это все права.

Неожиданно поняла, что мне крайне тяжело говорить кому-то, что она станет женой лорда Арнела, но тут… тут леди Беллатрикс вставила со всей язвительностью:

– О, моя дорогая леди Энсан, несомненно, вам обязательно требуется, воистину жизненно необходимо последовать совету любовницы вашего жениха.

На этом я едва не обронила тарелку с ядом, в совершеннейшем негодовании воззрившись на леди Беллатрикс, просто-таки лучащуюся змеиной улыбкой, но… она не учла присутствия миссис Макстон.

– А я говорила вам, мисс Ваерти, что каждый судит по себе? – Моя экономка подошла, практически загородив меня от присутствующих женщин рода Арнел. – Нет? Ну так сейчас самый верный момент, наглядная иллюстрация, можно сказать!

И яда в ее словах было ничуть не меньше, чем в словах леди Стентон-Арнел.

– Да как вы?! – Змея взвилась. – Что вы себе позволяете?!

– Я? – притворно изумилась миссис Макстон. – Я абсолютно ничего. Но знаете, после ваших слов о недостойной связи мисс Ваерти с вашим сыном, бедный лорд Арнел, наградил же его господь такой маменькой, страх как жаль мне его стало, я начинаю подозревать, что когда вы с простудой к доктору Эньо наведываетесь, то… не все у вас там в рамках врачебной помощи происходит, ох и не все. Несомненно, поделюсь своими соображениями на ваш счет с миссис Эньо, булочником и женой молочника. И знаете ли, в следующий раз следите за языком, леди Арнел. Наша мисс Ваерти, конечно, жалостливая и помогает всем бескорыстно, зря, видимо, но такая уж она у нас добрая девочка, а еще злопамятностью не отличается… в отличие от меня. А я вот отличаюсь, и вполне может так статься, что однажды вам помощь потребуется, а я оп… и случайно записочку вашу в камин, на растопку, так сказать. Всего доброго, леди!

И мы гордо покинули обитель злословия и неудавшегося покушения, а миссис Макстон не отказала себе в удовольствии еще и с грохотом дверь захлопнуть. С внушительным грохотом.

Вот только почти сразу, едва мы вышли, дверь приоткрылась, уже едва слышно, беззвучно закрылась, и миссис МакАверт, нервно сжав ладони, виновато произнесла:

– Мне очень жаль.

Она судорожно вздохнула и, все так же глядя в пол, продолжила:

– Драконы не станут просить о помощи, они никогда… я…

Миссис Макстон протянула руку, коснулась сжатых пальцев миссис МакАверт и тихо сказала:

– Да все мы понимаем, миссис МакАверт, и… не такая уж я и злопамятная.

Экономки обменялись грустными улыбками: одна всепонимающей, другая виноватой.

– Так, стало быть, к лорду Давернетти? – воодушевленно вопросила миссис МакАверт.

* * *

– Анабель… Анни моя Бель, где же мы прячемся, а? Раз, два, три, четыре пять, будущую леди Давернетти я иду искать.

Это было так ужасно, что у меня появилось желание развернуться и покинуть подземелье, невзирая ни на что. Но, увы, впереди был Давернетти, лично обыскивающий каждую камеру, и я искренне поразилась тому, что тут вообще имелись камеры и заперты они были не просто так, а золотыми решетками, и позади у меня имелись две экономки. Ну и тарелка с ядом в руке. Отступать было некуда и незачем.

– Аннабеееееель, – продолжал измываться над моим именем лорд Давернетти.

Причем именно измывался. О том, что я спустилась в подземелье, он уже знал. И о том, что лорд Арнел никоим образом не может присоединиться к моим поискам, знал также – император, отоспавшись, отправился на конную прогулку, а лорду Арнелу не оставалось ничего иного, кроме как играть роль радушного хозяина и сопровождать венценосца. Радовало лишь то, что императрица направилась с ними, а генерал ОрКолин был в курсе попытки покушения, и про состав яда ему также было известно, а потому сейчас… оборотни прочесывали покои императрицы, ее слуг и ее компаньонки, которая в данный момент во весь опор мчалась за доктором. И ее, и императрицу, видимо, вовсе не устроил тот факт, что во время чаепития леди Энсан не стало плохо, и, решив, что дамы семейства Арнелов намеренно скрывают ее дурное состояние, компаньонка поспешила «за помощью».

А мы вот поспешили на поиски лорда Давернетти, причем нам его найти было проще простого – оборотни сразу сказали, где водится старший следователь и по каким признакам его можно отыскать. Признак был один, но он, несомненно, отличал полицейского от всех присутствующих в поместье. Просто больше никто не тянул противным голосом «Анабеееееееель, радость моя».

– Какой ужас! – не выдержала миссис МакАверт.

– И не говорите, – поддержала ее миссис Макстон.

Я же с чувством обреченного на казнь уныло шла вперед, собственно, на голос и ориентируясь.

Лорд Давернетти был умнее, он ориентировался на логику и дедукцию, а потому находился в самом комфортном помещении тюремного этажа поместья Арнелов. И когда я дошла до нужной камеры, меня встретила шикарная обстановка – окно, выходящее в зимний сад и наполнявшее, видимо, комнату отдыха тюремщиков светом и теплом, роскошная обивка багрово-алых диванов, стоящих вдоль стен, и наглейшая улыбка лорда Давернетти, с удобством устроившегося в мягком кресле и потягивающего имбирно-мятный напиток.

– Помогает? – подчеркнуто язвительно поинтересовалась я, остановившись на входе.

– Мм-м, более чем. – Давернетти улыбался как кот, не просто наевшийся сливок – обеспечивший их запас на всю свою оставшуюся жизнь. – Итак, моя дорогая Анабель, вы здесь!

– Увы, – не сдержалась я.

Скорбь моя была более чем обоснована – меня даже не искали особо, видимо осознавая, что во всех коридорах, галереях и переходах поместья Арнелов найти меня можно будет лишь с помощью слуг, а прислуга была на моей стороне, и дракон это понял. О том же, что на моей стороне и оборотни, Давернетти ведал и ранее. А потому, не став утруждать себя моими поисками, он с комфортом засел здесь, в подземелье, проведя нехитрые расчеты и придя к выводу, что я сама явлюсь к нему.

Собственно, так и произошло, но легче мне от этого не было.

– Леди Энсан пытались отравить, – сообщила, подходя и размещая тарелку на столике перед старшим следователем.

У меня была надежда, что он хотя бы побледнеет, едва я приближусь, но нет – коварно улыбаясь, дракон отсалютовал мне бокалом с имбирно-мятным напитком и даже предложил, указав на диван рядом с собой:

– Присаживайтесь.

– Постою, – ответила я, отойдя на несколько шагов.

– А я и не против, – как-то по-особенному протянул лорд Давернетти, с нескрываемым удовольствием разглядывая меня. – Должен признать – прекрасное зрелище, даже не хочется его лишаться. Анабель, вам чертовски идет платье личного секретаря, особенно платье, на два размера меньше положенного. Корсет не жмет?

– А вам совесть? – не сдержалась я.

– Естественно нет, у меня же она отсутствует. – Коварная улыбка старшего следователя становилась все коварнее. – Рассказывайте, моя прекрасная

будущая супруга, затянутая в корсет, который так подчеркивает весьма превосходное телосложение. Так смотрел бы и смотрел. Не хватает только распущенных волос и черной кружевной сорочки…

И взгляд его сделался почти мечтательным.

– А хотите яду? – совершенно бескорыстно поинтересовалась я. – По идее, превосходный вкус воистину добавит несколько новых причудливых ноток вашему настою!

– Весьма интригующее предложение. – Но в глазах сталь, и улыбка полностью исчезла с лица лорда Давернетти. – Присаживайтесь, мисс Ваерти, боюсь, нам предстоит не самый приятный разговор.

Меня одолевало не лучшее из желаний – сесть поближе к лорду Давернетти и с чувством торжества понаблюдать за его мучениями, но, увы, я не была драконом, и потому любовь к ближнему являлась для меня не пустым звуком. Отойдя, я присела на край дивана максимально далеко от лорда старшего следователя, а обе экономки устроились неожиданно на другом диване, и… и я, и они крайне поразились данному факту.

Осознание того, что полицейский вновь применил запрещенное заклинание подчинения, меня, естественно, не порадовало.

– Прекратите! – потребовала я.

Прекращать лорд Давернетти не стал. Движение его руки – и над отравленной тарелкой возникла формула имеющихся в наличии ядов. Несколько секунд полицейский всматривался в увиденное, а затем вернул тарелке исходный вид.

– Неплохо, – после некоторого молчания произнес Давернетти, – но работать в полицию я бы вас все равно не взял. Анабель, поверьте, эта тарелка превосходно обошлась бы и без ваших отпечатков.

– И это все, что вы сочли нужным мне сказать?! Я…я… – от возмущения не хватало слов.

Не осталось их и после того, как еще одним движением лорд Давернетти экранировал нас с ним защитным пологом, полностью лишив экономок возможности что-либо слышать, посмотрел на меня и произнес:

– Моя дорогая мисс Ваерти, вы превзошли саму себя. Удивлен. Изумлен. Восхищен.

Могло ли меня что-либо насторожить еще больше, чем подобное начало разговора?

– Проникнуть в поместье Арнелов, заручиться поддержкой всей прислуги, пробраться в покои императрицы… Я вынужден признать, что вы умны, находчивы, крайне проницательны и обладаете удивительным свойством выявлять те моменты, что оставались в тени для всех окружающих, включая меня. Я в неоплатном долгу перед вами, мисс Ваерти.

Звучало как похвала, но от чего-то сжалось сердце.

– Как вам леди дома Арнел? – без перехода продолжил лорд Давернетти.

Я не стала отвечать, не желая оскорблять леди, а если хорошего сказать нечего, то к чему в принципе сотрясать воздух?!

– Мм-м, весьма здравое решение, – похвалил лорд старший следователь и внезапно произнес: – Не правда ли, существенный контраст в сравнении с моей матушкой?

На сей раз я не стала отмалчиваться и холодно заметила:

– Сплетни – дело не слишком достойное джентльмена, вы не находите?

– Я нахожу, что у вас весьма острый язычок, моя дорогая Анабель. – Улыбка лорда Давернетти приобрела несколько хищное выражение, а затем, совершенно внезапно, полицейский серьезно сказал: – Мисс Ваерти, возможно, в данный момент вы пришли к некоторым выводам и заключениям, но боюсь, они совершенно ошибочны.

Чаша моего негодования более чем переполнилась, и я абсолютно искренне ответила полицейскому:

– Мне очень жаль, лорд Давернетти, но боюсь, ваши опасения совершенно беспочвенны по причине того, что лично я еще не сделала никаких выводов. Я их не сделала, я к ним не пришла, я к ним не прилетела, не приползла, и боюсь, имея в наличии лишь те обрывочные сведения, что приходится едва ли не с боем вырывать у вас, драконов, я еще не скоро получу возможность сделать какие-либо выводы!

Не сумев сдержать нервного напряжения, я вскочила, сделала несколько шагов вдоль дивана и обратно, поняла, что меня обе экономки видят превосходно, хоть это хорошо, остановилась, развернулась к лорду Давернетти и задала прямой вопрос:

– Что вы намерены делать?

Дракон ухмыльнулся, пристально следя за каждым моим движением, и многозначительно произнес:

– Получить вас. Для начала.

Судорожно выдохнув, я все же облекла свое негодование в словесную форму и заметила:

– Лорд Давернетти, я говорю вам это в последний раз, и я искренне надеюсь, что вы, наконец, услышите меня. Я НИКОГДА НЕ СТАНУ ВАШЕЙ ЖЕНОЙ! НИКОГДА! Потому что брак без любви еще возможен, но брак без уважения заранее обречен. Я не испытываю к вам уважения. Мне жаль, но это реальность, причиной которой стали именно вы и ваше поведение, лорд Давернетти. А потому имейте уважение к самому себе, как минимум, и прекратите нарочито наглые попытки заставить меня в страхе бежать прочь в свой дом и скрыться там на как можно более долгий срок! Ведь именно этого вы и добиваетесь, не так ли?

Ухмылка совершенно покинула хищное лицо дракона, в глазах отчетливо проступил металл, челюсти оказались сжаты с такой силой, что мне показалось, я сейчас отчетливо услышу зубовный скрежет.

Остановило ли это меня? Нисколько.

– Итак, – я вернулась на диван, села, идеально прямо держа спину, впрочем, учитывая то, с какой старательностью на мне затянули корсет, иная осанка была бы невозможна в принципе, – оставим выводы и перейдем к насущной реальности. Ее величество – маг старой школы. Маг достаточно сильный, если сумела внедрить контролирующие разум магтехнологии.

– Магтехнологии? – переспросил лорд Давернетти, сделав еще один глоток своего причудливого напитка.

– Materiae magicae, – обозначила я их научное название. – Магические технологии. Некоторый симбиоз магии и механики, как, к примеру, магизмерители. И то, что генерал ОрКолин извлек из своих подчиненных, несомненно, являлось именно этим – магтехнологией. Таким образом, можно сделать вывод, что у императрицы магический уровень примерно около двенадцати делений. Я бы сказала – десять, но ее величество находится в своем бренном теле уже более двухсот лет, соответственно, ее способности выше.

Мне весьма не понравился пристальный взгляд полицейского, но я все же продолжила:

– Вы говорили с ОрКолином?

Старший следователь молча кивнул.

– Следовательно, вам уже известно, что герцог Карио держит ситуацию в Вестернадане под контролем, – подытожила я.

– Едва ли я стал бы бросаться столь громкими заявлениями, Анабель, – усмехнулся лорд Давернетти. – Ситуацию в Вестернадане контролируем мы – я и Адриан.

Не удержавшись, с нескрываемым сарказмом заметила:

– Судя по имеющейся ситуации, контроль явно не ваша сильная сторона.

Усмешка медленно покинула лицо старшего следователя. Я же улыбнулась самым обворожительным образом и продолжила:

– Что вы намерены делать?

– Уже говорил, – тоном теряющего терпение произнес лорд Давернетти.

– Я имела в виду вовсе не ваши тщетные надежды, меня интересует, что конкретно вы предпримете для защиты леди Энсан и жителей этого города?

На мой болезненный выпад дракон ответил пристальным взглядом, сделал глоток настоя и поинтересовался:

– Что вам известно о леди Энсан?

Он намеренно выделил интонацией слово «леди», намекая на то, что нам обоим было известно – девушка являлась бастардом, таким образом, по факту, не являлась «леди», и все же…

Все же я решила сыграть честно в очередной раз, изначально не будучи уверенной, что на мою честность лорд Давернетти ответит достойно, впрочем… я, кажется, уже давно утратила всю веру в то, что драконы способны хоть на что-то достойное.

– Мне известно, – я огладила юбку, расправляя складки, – что некоторое время назад, что-то около двухсот лет, Ржавые драконы заключили союз с оборотнями и в уплату какой-то услуги передали последним тридцать девушек своей крови.

Сообщив это, я посмотрела на Давернетти, ожидая всего чего угодно, только не насмешливо ироничного:

– Кровавая свадьба.

– Что, простите? – не поняла я.

Старший следователь махом допил свой напиток, отставил стакан, устроился удобнее в кресле, так, словно собирался провести в нем немало времени,

насмешливо посмотрев на меня, постукивая пальцами по подлокотникам, и произнес весьма отвлеченное:

– Есть расхожее мнение о том, что хорошее дело браком не назовут… Но к нашему браку это не относится, у нас с вами будет прекрасная семья, Анабель.

Откинувшись на спинку дивана, я непримиримо сложила руки на груди, чем высказала все свое отношение к его намекам.

Впрочем, и от слов не удержалась:

– Очень познавательно. Очень! Всегда мечтала услышать фразу «Хорошее дело браком не назовут» из ваших уст. Моя мечта сбылась! Можно и умереть спокойно теперь. Пожалуй, напишу в завещании: «Похороните меня под памятником драконьей наглости, глупости, недальновидности, неспособности нормально вести диалог и…» И я боюсь, список можно продолжать и продолжать, и надгробия для всего этого явно не хватит. Лорд Давернетти, мне вовсе не льстит, что любой наш разговор вы пытаетесь свести к свадьбе. Свадьбы не будет, смиритесь уже с этим. Что касается леди Энсан, вероятно, ее несомненный отец – герцог Карио – является потомком одной из переданных оборотням девушек. И еще один несомненный факт – леди Энсан попытались убить и попытаются убить снова.

Давернетти постучал пальцами по подлокотнику – он делал это синхронно, пальцами обеих рук – посмотрел на меня и вдруг произнес:

– Как вы думаете, сколько сейчас существует незаконнорожденных леди Энсан?

Я хотела было ответить, но… осеклась под пристально-насмешливым взглядом полицейского.

– Трое, – любезно просветил он меня. – Младшая сестра известной вам леди Карио, урожденной Энсан, той самой, чьи роды вы остановили, родила от мужа своей старшей сестры тройню. Трех абсолютно одинаковых девочек. В тот же месяц леди Энсан-Карио родила свою дочь, законнорожденную, от супруга – императорского бастарда, сумевшего все же выбить себе титул герцога.

Давернетти сделал паузу, усмехнулся моему изумлению от непостижимости услышанного и продолжил:

– Елизавета Энсан-Карио воспитывалась вместе с сестрами Эмбер и Лаурой Энсан. Ничего необычного не замечаете?

Заметила. У незаконнорожденных девушек не было имени отца, сохранялось только имя матери, и… одной сестры не хватало.

– Сестра супруги герцога Карио, – безразлично продолжил лорд старший следователь, – родила тайно, в богадельне, стремясь скрыть свой позор. И она, вы не поверите, призывала убить всех трех «свидетельств греха». Она требовала, чтобы ее дочерей утопили, как бездомных котят, в ручье. Ее родильный горячечный бред услышала прачка, принесшая постиранное белье. Женщина, не способная иметь детей, попыталась спасти всех трех девочек. Но в тот момент, когда она через черный ход выносила первую, в богадельне появился герцог Карио. И свидетелей греха не осталось… Ни одного. Включая только что родившую мать. А герцог, решивший, что детей было всего двое, с двумя собственными новорожденными дочерьми покинул пылающее огнем здание.

Вероятно, я сделалась бледнее снега, потому что на какой-то миг лорд Давернетти умолк, позволяя мне справиться с эмоциями, а затем вернулся к рассказу:

– Елизавета Энсан-Карио воспитывалась соответственно канону и традициям, ее сестрам повезло меньше. Да, обе они учились петь, вышивать и играть на музыкальных инструментах, но помимо этого – постоянные силовые тренировки, обучение магом старой школы, познание и призывание огня. Герцог Карио готовил не просто дочерей – орудия отмщения. Девочки, а затем уже девушки засыпали и просыпались с одной мыслью – уничтожение Города Драконов.

Старший следователь тяжело вздохнул, из выражения его лица исчезла всяческая язвительность и ирония, и уже очень тихо полицейский сказал:

– Всего лишь стечение обстоятельств, Анабель, исключительно стечение обстоятельств, но испуганная прачка, прижимая к себе уже ставшее ей почти родным дитя, поспешила за помощью к профессору Стентону. Собственно,

благодаря ему мне и стало известно и о случившемся, и о существовании третьей незаконнорожденной дочери Карио.

Еще одна пауза и внезапный вопрос:

– Вам известно, что такое майорат, Анабель?

– Порядок наследования имущества, – несколько растерянно ответила я.

– Какая умненькая девочка, – странно похвалил Давернетти и, едва я возмущенно посмотрела на него, сообщил: – Профессор Стентон являлся главой рода Стентон. Старшим в роду. Но в нарушение всех традиций, в нарушение правил наследования, вопреки вообще всему он сделал наследницей вас… Анабель, вы в курсе, сколько братьев у профессора Стентона?

– К чему вы мне это рассказываете? – мрачно спросила я.

Не став отвечать, Давернетти лишь повел плечом, словно бы разминая шею, и вернулся к тому, с чего начали:

– Глава рода, Анабель, не обладает свободой выбора своей пары. Стентон же был влюблен, и я полагаю, вам известно в кого.

Мне действительно это было известно, хватило сказанного леди Арнел: «Ариана его дочь», но сообщать о своей осведомленности я не стала, ожидая слов старшего следователя. И они последовали:

– Еще одно ограничение – глава рода не вправе жениться на разведенной женщине, а моя драгоценная и хорошо известная вам тетушка на тот момент уже состояла в браке, заключенном против ее желания. Что, как вы, вероятно, помните из слов нашего иногда слишком разговорчивого Адриана, не поощряется в Вестернадане.

Неодобрительно покачав головой, полицейский сообщил:

– Как вы понимаете, они были в ярости: и Алисент, и сам Стентон. Но дело было сделано, а тетушка провела ночь со своим супругом. Полагаю, вам уже известно

о том, как легко вызвать желание у сильно понравившейся драконицы, не так ли? – На губах дракона мелькнула странная усмешка.

Меня на улыбки не тянуло вовсе. В странном состоянии омерзения, горечи, потрясения я смотрела на лорда Давернетти, и… Есть вещи, которые разум понимать не желает. Сейчас таких вещей было… несколько.

– Сколько лет было младшей из сестер Энсан, когда герцог вступил с ней в… связь? – тихо спросила я.

– Семнадцать-восемнадцать, – безразлично ответил полицейский.

Увы, его безразличием я не обладала. И его равнодушием. И его нежеланием даже представить то, что произошло. Потому что мне, с моим живым воображением, все представлялось слишком ясно. Барон Энсан, получив предложение от самого лорда Карио, у которого в перспективе имелось получение титула герцога, вероятно, был рад, счастлив и в целом искренне верил, что заключает выгодный со всех сторон союз. И брак состоялся. Исходя из того, что у старшей дочери барона сохранялось и имя ее рода, брак, вероятно, был традиционным. И я представила себе храм с высокими сводчатыми потолками, гостей, сидящих на скамьях, прекрасную невесту в белом, сияющую улыбкой, счастьем, надеждой, и самого герцога, стоявшего у алтаря в ожидании своей невесты. Красивая сказка. Сказка для одной из сестер, а вторую…

– Какая разница в возрасте между баронессами Энсан? – Я спрашивала именно о супруге и сестре супруги герцога.

Потому что, говоря о дочерях, уже следовало бы использовать термин герцогиня. По крайней мере к одной из них.

– Мм-м, – Давернетти несколько призадумался, – на момент свадьбы Сиене было около двадцати, Михель была младше на три года.

Я невольно представила себе девушку в платье подруги невесты, которая восторженно-восхищенными, голубыми, как летнее небо, глазами смотрит на счастье своей старшей сестры, на свадебную церемонию и мечтает… мечтает о том же. О таком же счастье, о таком же храме, о том, что и ее вот так же будет ожидать близ алтаря сильный уверенный мужчина, который с любовью будет

смотреть на нее…

И мне страшно, правда страшно думать о том, что же произошло дальше.

«Младшая сестра известной вам герцогини Энсан родила от мужа своей старшей сестры тройню. Трех абсолютно одинаковых девочек. В тот же месяц уже герцогиня Энсан родила свою дочь, законнорожденную».

Казалось бы, только слова. Всего лишь слова… Но то, что скрывалось за ними, – ужасало. Возможно, вполне возможно, я бы отнеслась к этому не так остро, если бы не дневник матушки Исабель, а так… В какой момент герцог обратил внимание на младшую сестру своей жены? Когда пришел к ней? Как заставил? Ведь заставил же, иначе несчастная девушка не билась бы в истерике в богадельне, умоляя избавить ее от «свидетельств греха».

– Анабель, вы побледнели, – сделал замечание исключительно внимательный лорд старший следователь.

– Увы, причины имеются, – тихо ответила я.

– И в чем же вы видите причины вашего испорченного настроения?

Подняв взгляд на него, я несколько секунд смотрела в глаза дракона и искренне не могла понять – он шутит, иронизирует или действительно не понимает?!

– Лорд Давернетти, – проговорила, наконец, – произошедшее с младшей баронессой Энсан было ничем иным, как насилием.

Усмехнувшись, старший следователь покачал головой и ответил:

– Анабель, откуда нам с вами знать это? Вполне возможно, девчонка просто влюбилась, в драконов часто влюбляются, мы обладаем определенной харизмой, так что…

Пауза, довольно неплохая, чтобы подчеркнуть всю двусмысленность сказанного, вот только отбросив всю эту двусмысленность, я задала конкретный вопрос:

– Лорд Давернетти, как вы полагаете, что произошло со мной после того, как вы, забравшись в мой дом как вор, улеглись в мою же постель подобно насильнику?!

– Анабель! – Давернетти мгновенно подался вперед, в глазах его более не было ни насмешки, ни ухмылки, разве что появилась некоторая напряженность: – Давайте не будем путать понятия. Я не насиловал вас! Я ничем не желал оскорбить вас. Я…

– Вопрос был в другом, – перебила его ледяным тоном. – Вопрос был: «Как вы полагаете, что произошло со мной после»?

Старший следователь вновь откинулся в кресло, напряженно и пристально глядя на меня.

Я же не видела причин скрывать.

– Я прорыдала почти всю ночь, – очень спокойно, глядя в черно-зеленые глаза дракона, проговорила с твердостью, на которую, как мне казалось ранее, была не способна. – Я приняла несколько ванн, все пытаясь и пытаясь смыть с себя каждое из ваших прикосновений. Я мылась до тех пор, пока не закончилась вся теплая вода в доме, а учитывая паровую систему нагрева, внедренную профессором, воды было предостаточно. Так вот, когда теплая вода закончилась, я все еще ощущала себя грязной. Грязной настолько, что не сумела успокоиться даже после протирания своего тела полотенцем, обильно смоченным в спирте. И да, лорд Давернетти, я до сих пор боюсь спать в своей комнате, мне невыносимо даже подумать о том, чтобы лечь в постель, на которой вы меня домогались.

По мере того как я абсолютно честно, хотя и несколько отстраненно – иначе бы не смогла, боюсь, слезы подступали к глазам, – говорила, Давернетти бледнел. С каждым моим словом становясь все бледнее.

– Анабель… – прошептал он, едва я замолчала.

– Да, вы меня не изнасиловали, – подтвердила я то, что он явно собирался сказать. – И мы с вами оба знаем почему: я прожила с драконом более шести лет, я знаю ваши слабые места и я способна защититься. Но если бы у меня всего этого не было – ни дара, ни способностей, ни знаний, – чем бы закончилась та

ночь, лорд Давернетти?!

Полицейский промолчал, пристально глядя на меня.

Затем все же произнес:

– Я более чем уверен, вам бы понравилось.

Горько усмехнувшись, отрицательно покачала головой, пристально глядя на него. Но отступать было явно не в привычках старшего следователя.

– Я бы сделал абсолютно все, чтобы вам понравилось.

И я не сдержалась:

– Вы так свято в это верите! – Усмешка снова была горькой. – Так искренне! Так непогрешимо! Лорд Давернетти, вы же умный дракон. Я вам только что совершенно открыто и честно поведала о том, что испытала после вашего ночного визита. Где в моем описании чувств и эмоций вы услышали хоть что-то, что позволило бы вам заявлять «Я более чем уверен, вам бы понравилось»?

И полицейский отвел взгляд.

– Итак, – с глубоким вздохом произнесла я, – а теперь возвращаемся к действительно важной теме обсуждения.

– Мне жаль, – вдруг произнес лорд Давернетти, глядя в сторону куда-то на каменную кладку стены. – Мне безумно, бесконечно и ужасно жаль. Мне невыносимо осознавать, что вы плакали из-за меня, и я готов сделать все, чтобы искупить каждую из пролитых вами слез. Анабель, если я могу что-нибудь сделать я…

– Сейчас речь не обо мне, – не слишком деликатно, но у нас было не так много времени, чтобы тратить его на объяснения, прервала я речь дракона. – И мне не нужны ни ваши сожаления, ни ваша жалость, ни тем более попытки «искупить произошедшее». Спасибо, но я уже успела убедиться, что хуже ненависти драконов может быть только их «благодарность». А посему прошу вас, просто

более никогда не прикасайтесь ко мне и поверьте – этого будет более чем достаточно.

Давернетти молча смотрел на меня.

Я выдержала его взгляд со всем достоинством, на которое только была способна, и вернулась к тому, что действительно имело значение.

– Итак, – слово, которое я переняла от профессора Стентона, когда-то оно меня раздражало, но все проходит, прошло и это. – Итак, у нас в наличии существование четырех сестер Энсан. Одна из которых, законнорожденная и помолвленная с Арнелом леди Елизавета Карио-Энсан, была убита и найдена мной при въезде на территорию Вестернадана. Вторая, незаконнорожденная, но тоже по факту леди Карио-Энсан, в кратчайшие сроки была обнаружена вами, привезена в Вестернадан и сейчас выдает себя за погибшую законнорожденную Элизабет. А также в Город Драконов прибыли две незаконнорожденные дочери герцога – Эмбер и Лаура Энсан. Обе являются магами. Обученными магами, которые способны использовать как магию драконов, так и магию старой школы, учитывая заклинание «Адского пламени», коим пытались уничтожить дом ныне погибшей свахи миссис Томпсон. И Лаура, и Эмбер, вероятно, являются вивернами, – то есть помесью Ржавых драконов и оборотней. Одну из них удалось захватить… – Подумала и вставила язвительное: – Не без моей помощи. Что со второй?

Полицейский выслушал меня не без интереса, однако внес одну поправку:

– Ширли Аккинли не была «в кратчайшие сроки обнаружена» мной. За девочкой присматривал профессор Стентон. И, вероятнее всего, он взял бы ее в свой дом после гибели приемной матери девочки, но… от крика Ширли напрочь вылетали стекла. Профессор здраво рассудил, что это привлечет к девочке ненужное внимание, и отослал ее в Вестернадан. Увы, из пансиона для девочек Ширли сбежала. После связалась не с самой лучшей компанией… возможно, вам доводилось слышать о темпераментности женщин нашей расы… – И тут же пристальный взгляд на меня и сухое: – Простите.

– Продолжайте, – попросила я.

Однако продолжение последовало не сразу.

Лорд Давернетти некоторое время молчал, скользя взглядом по подолу моего платья личного секретаря, затем произнес:

– Довольно сложно посвящать вас в мои умозаключения после вашей до глубины души шокировавшей меня откровенности, а потому я буду предельно… краток и тактичен. Брак с герцогиней Элизабет Карио-Энсан, как вы понимаете, не являлся предметом мечтаний Адриана. Но повторюсь – глава рода не вправе выбирать себе супругу, исходя из собственных желаний и симпатий, его задача – привести в дом женщину, что станет опорой, достоянием и олицетворением силы рода. И выбор достойной девушки, которая сумеет справиться с такой задачей, – дело не простое. Особенно если учесть, что у нас приняты браки между своими…

Помолчав, старший следователь добавил:

– Вероятно, по причине того, что… вы описали, говоря о собственных ощущениях. Поверьте, для меня это… ошеломительно.

Он дернул головой, словно избавляясь от недобрых мыслей, и продолжил:

– В иной ситуации предложение герцога Карио было бы отвергнуто. Драконы, особенно наследующие род и состояние рода, женятся исключительно на драконицах, таков порядок вещей в Вестернадане. Но… у нас уже имелось в наличии около четырех сотен трупов. Вестернадан – город, почти всегда покрытый снегом. Когда-то мне это нравилось – идеальная белизна нашего города, но когда на девственно белом снегу начали расцветать алые пятна… Триста девяносто девять девушек и женщин, Анабель. Осиротевшие родители, мужья, малолетние дети. Мы усилили патрули, мы усилили патрули до такой степени, что один караул, шагающий по ночному городу, видел вдали другой. Но… убийства не прекратились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elena-zvyozdnaya/gorod-drakonov-kniga-tret-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить